

Дадебай
ГОШАЕВ

СУТЬ ЖИЗНИ

Дадебай Гошаев

Суть жизни

«Автор»

2026

Гошаев Д. Б.

Суть жизни / Д. Б. Гошаев — «Автор», 2026

Книга объединяет научные и публицистические статьи, тезисы, афоризмы и заметки, написанные автором в 1985–2025-е годы. В них сформулированы оригинальные идеи и гипотезы о природе общества, человека и современном мире. Автор предлагает новый взгляд на актуальные вопросы социологии, физики и философии, адресованный всем, кого волнует будущее человечества.

© Гошаев Д. Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава I Жизнь. История. Человек	9
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ, НАДЕЖДЫ.	10
ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ	43
МЕТАФИЗИКА ТОЙНБИ И РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ: О РОЛИ «ДЬЯВОЛЬСКОГО» НАЧАЛА В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ О ЦИВИЛИЗАЦИИ	45
СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВ МОНУМЕНТОВ: О ПОДЛИННОМ КРИТЕРИИ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51
	52

Дадебай Гошаев

Суть жизни

Введение

От редакции

Почему одни цивилизации веками сохраняют жизненную энергию, а другие превращаются в «мертвые монолиты»? Что общего между законами физики, движением человеческих масс и квантовой природой нашего восприятия?

В своей книге философ и историк Дадебай Гошаев представляет оригинальную концепцию «социальной иммунологии», рассматривая мировую историю не как сухой перечень дат, а как живой, глубоко драматичный процесс борьбы между застойной традицией и освобожденным разумом. Автор проводит читателя сквозь тысячелетия человеческой драмы — от зари Месопотамии и сакральных загадок Древнего Египта до тектонических сдвигов эпохи распада СССР и вызовов глобальной цифровой цивилизации XXI века. На стыке философии, физики и политэкономии в центре исследования неизменно остается Человек — уникальный «свободный радикал» истории, чье индивидуальное воображение, воля и способность к творчеству являются единственным подлинным гарантом прогресса.

Фундаментальный вывод книги заключается в том, что технико-технологические и даже сугубо экономические достижения не могут являться мерилем успеха цивилизации, пока сам человек пребывает в духовной нищете и социальной беспросветности. Настоящий социальный прогресс — не в грандиозности искусственных монументов или объемах производства, а в духовной зрелости общества, его ментальном иммунитете и способности сохранять живой практический опыт, мораль и автономию человека. Именно такой подход автор обосновывает как жизненно необходимую основу для общественно-политической идеологии будущего.

Концептуальным ядром издания выступает работа «Человеческое существование: формы, содержание, надежды», задающая высокий теоретический вектор всей книге. Наряду с ней автор отслеживает единые закономерности бытия на всех уровнях — от авторской физикокосмологической модели вихревого рождения Вселенной до аналитических размышлений о геополитических путях России, феномене «мнимой реальности» (Мира под именем Яланчы) и природе современной власти.

Эта книга — для тех, кто ищет ответы на фундаментальные вопросы современности: как сохранить личное «Я» в условиях идеологического диктата, почему свобода является не просто политическим лозунгом, а биологической необходимостью для выживания вида, и как сберечь разум и уникальный текст своей «книги жизни» в мире, стремительно теряющем человеческое лицо.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, Гошаев Дадебай Байрамович, родился в 1961 году в Туркменистане, в отдаленной сельской местности, которая в те времена находилась фактически за пределами современной цивилизации. Там не было электричества, дорог или транспортной инфраструктуры. Мы жили в глиняных домах с камышовым основанием, без полов и потолков; единственным источником тепла были сухие растения, а дом из двух комнат с эйваном освещался тусклым светом керосиновой лампы. Расстояния между соседями измерялись километрами, а жизнь подчинялась законам натурального хозяйства: мука из ручной мельницы, коровы на свободном выпасе, одежда, частично сшитая вручную.

Единственным окном в большой мир было старое радио с единственной пластинкой на проигрывателе. Весь наш досуг состоял из народных игр и бесконечных рассказов гостей, приезжавших издалека. Школа была четырехлетней и ютилась в двух комнатах; там, под одной крышей, ученики всех классов постигали азы знаний у единственного учителя. Мы писали чернильными ручками, сидя за громоздкими партами, и каждый предмет в нашей жизни — от кускового сахара до чернильницы — имел свою особую ценность. Этот опыт жизни в локальном микромире стал для меня отправной точкой в понимании того, какой долгий путь проделало человечество в своем развитии.

Удивительно, но жизнь в той глуши никогда не казалась скучной. Мы постоянно были заняты делом: пасли овец, помогали по дому, участвовали в посадке, выращивании и сборе дынь, арбузов и пшеницы. Мы копали ямы для хранения зерна, носили воду и дрова, ухаживали за ослом и лошастью. Моим любимым развлечением было катание на двухколесной деревянной арбе. Родители также находились в вечном труде. В 1968 году у нас появилась юрта — Ак ой, требующая постоянной заботы. В основном ею занималась мама: она успевала чистить и разрыхлять шерсть, валять кошму, доить корову и взбивать кефир в кувшине, печь хлеб в тамдыре и молотить зерно. Каждую свободную минуту она пряла шерстяную нить на веретене.

Осень приносила с собой особую атмосферу хлопковой страды. Сбор хлопка-сырца вручную становился главным событием: мы соревновались, кто соберет больше, равнялись на передовиков. Но при всей тяжести труда в нем не было изматывающего напряжения — всё сопровождалось шутками, тихим пением и забавными историями. День всегда заканчивался возвращением домой с глубоким и чистым чувством выполненного долга.

После четвертого класса учебу пришлось продолжать в десятилетке, находившейся в 12 километрах от дома. Мы добирались туда пешком, на ишаке или на велосипеде; позже у старшего брата появился мотоцикл «Москвич», на котором мы ездили вдвоем. В 1972 году наша семья переехала в поселок, где я впервые увидел домашнее электричество и телевизор. Дальнейшая жизнь текла в привычном русле: школа, работа на колхозных полях и жадное чтение книг. В родном селе, кроме учебников, литературы не было, поэтому я прочитывал всё, что удавалось найти на туркменском языке в поселковой библиотеке.

Переломным моментом стала книга «Беседы о религии и знании» — с нее началось мое путешествие в мир знаний. Наряду с книгами о космосе и истории, я с особым усердием изучал «Диалектику природы» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и даже написал статью с критикой его теории (рукопись которой сохранилась до сих пор). Споры о первичности материи и духа, атеизме и религии увлекали меня, формируя к средним классам собственную точку зрения на философию, психологию и устройство общества.

После окончания школы в 1977 году мой путь лежал через училище, техникум и университет к очной аспирантуре в Москве. В марте 1991 года я защитил кандидатскую диссертацию по истории, а 18 августа получил диплом. Вечером следующего дня, приехав к друзьям в Рязань, я стал свидетелем и невольным участником отмечания распада СССР — события, ознаменовавшего начало новой исторической эпохи.

Это не просто биографическая справка, а история формирования мировоззрения. Мне выпал редкий жребий: начать жизнь в условиях почти средневекового уклада и стать свидетелем тектонических сдвигов последующих десятилетий. Я не был сторонним наблюдателем; я проживал трагедии Армении, Прибалтики, Узбекистана, Таджикистана и Карабаха как личную боль, ища ответы на вопросы, которые ставила эпоха. В то пикантное время самым трудным было хранить в себе мысли, рожденные критическим анализом, ведь произносить их вслух было небезопасно.

Наша трёхкомнатная квартира в московском общежитии квартирного типа, которую я делил с лучшими друзьями — русским Юрой Колюжовым и казаком Айдаром (которых, к сожалению, уже нет с нами), а позже с азербайджанцем И. Сапаровым, — превратилась в

дискуссионный клуб. К нам заглядывали молдаване, украинцы, евреи, армяне. В разгар межнациональных конфликтов мне удавалось поддерживать мир за одним столом, где сидели и армянин, и азербайджанец. Нас объединял мой прокатный цветной телевизор «Юность», программы «600 секунд», «Взгляд» и жажда правды. Мы буквально проглатывали свежие выпуски «Огонька» и «Аргументов и фактов», будоражили ум книгами «Дети Арбата», «Архипелаг ГУЛАГ» и «Доктор Живаго».

Тема моей научной работы требовала постоянного посещения Ленинской библиотеки. Кажется, в 1989 году для общего пользования открыли ранее запрещенные книги и архивные материалы. Я стремился успеть просмотреть и прочитать как можно больше таких трудов и, по возможности, ксерокопировал части или целые книги. Меня ограничивала только квота — 10 страниц в день. Чтобы по 10 страниц в день отксерокопировать редчайшую книгу А. Кул-мухаммедова, изъятую еще в 1926 году, я неделями занимал очередь до открытия библиотеки. Новые факты становились основой моих докладов в Москве, Телави, Душанбе и Минске. За тезисы о репрессиях 30-х годов, зачитанные на родине Сталина, мне даже присудили премию. Финалом этого пути стала защита диссертации в марте 1991 года, о которой члены комиссии сказали: «Мы присутствуем при историческом событии — защите работы, написанной без партийной и идеологической методологии». Не знаю, насколько справедливо было то замечание комиссии, но новизна подхода к изложению исторических фактов и критический анализ деятельности партийной номенклатуры 20–30-х годов действительно составляли самую суть моей диссертации. Это был мой личный манифест освобождения от идеологического подхода, первая попытка осмыслить историю не как партийную инструкцию, а как живой, противоречивый и требующий честности процесс.

Охота за новыми изданиями зарубежных и отечественных авторов не прекращалась на протяжении всей учебы в аспирантуре. В то время как многие стояли в огромных очередях, чтобы попасть в первый «Макдоналдс», я еженедельно заглядывал в «Академкнигу» на Тверской. Чуть ли не на последние деньги я покупал труды А. Тойнби, А. Швейцера, Ф. Хайека, К. Ясперса, Н. Данилевского..., прочитывал и цитировал их. Огромное влияние на меня оказал двухтомник «Экономикс» — именно благодаря ему я уже тогда понимал пагубность поспешной либерализации экономики, ваучеризации и приватизации в условиях, когда у власти оставалась старая партийная номенклатура. Было очевидно, что руководители используют рыночные механизмы в своих интересах, обладая безграничными рычагами влияния.

Настоящей находкой для меня стала книга А. Дж. Тойнби «Постижение истории». Цивилизационная теория открыла принципиально новые горизонты в понимании прошлого. В частности, она позволила мне по-новому взглянуть на историю кочевых народов, которую официальная наука долгое время рассматривала как отсталую периферию. Благодаря Тойнби стало возможным ставить культурные и духовные достижения кочевников в один ряд с величайшими историческими цивилизациями человечества.

Однако со временем моя усердная научно-изыскательская деятельность пошла на спад. Сначала преподавание, а после 1992 года — работа на ответственных должностях не оставляли времени для фундаментальных трудов, хотя планов было множество. Научное творчество свелось к редким статьям, многие из которых так и не увидели свет. Об этом остается лишь сожалеть. Мои спонтанно возникавшие идеи фиксировались лишь в набросках и заметках, сделанных на скорую руку в надежде когда-нибудь развить их до законченной формы. Со временем часть их терялась в стопках бумаг или вовсе исчезала по разным причинам.

Недавно, просматривая и перечитывая их, я обнаружил, что многие идеи сохранили свою актуальность и сегодня. Они могут стать ценным подспорьем для эрудированных молодых исследователей и широкого круга читателей. Ведь вряд ли кому-то из новых поколений удастся пройти тот уникальный путь, который выпал мне: от чтения сказок под керосиновой лампой до эпохи воцарения искусственного интеллекта. Я стал свидетелем глобальных сдвигов в созна-

нии людей на стыке двух тысячелетий, пережив смену политических, социальных и мировоззренческих парадигм, и именно этот опыт лег в основу предлагаемых заметок.

Материалы в этом сборнике разделены на три группы (главы): **I. Жизнь. История. Человек. II. Мир. Вселенная. Природа. III. Общество. Экономика. Государство.** Тем не менее, все они неразрывно связаны с заглавием книги и так или иначе затрагивают фундаментальные вопросы истории, общества, человека и жизни в целом. Одна из статей, подготовленная мною еще в начале двухтысячных, недавно была опубликована в международном журнале на английском языке. Здесь она приводится по тексту оригинала. В издание не вошли тексты, утратившие актуальность или имевшие узкопрактическое значение для своего времени. Напротив, я стремился сохранить целостность содержания и законченность тех мыслей, которые сохраняют свою остроту и сегодня.

Многие из этих заметок создавались в последние десятилетия и отражают вызовы современности. Тем не менее я заново переосмыслил их содержание сквозь призму новейших научных достижений, включая возможности искусственного интеллекта, чтобы детализировать ключевые тезисы. Мои комментарии и интерпретации расположены под оригинальным текстом и выделены курсивом. Думаю, они окажутся для читателя не менее увлекательными, чем первоначальные идеи.

Статьи и афористические высказывания внутри каждой главы сгруппированы по тематическому принципу и алфавиту, за исключением некоторых опубликованных статей и объемных материалов, которые размещены в начале главы. Там, где это было возможно, я указал приблизительное время их создания.

Моей главной целью было сделать содержание интересным для широкого русскоязычного читателя, независимо от географии его проживания, чтобы эти строки послужили реальным стимулом для глубоких размышлений о нашем общем будущем.

Глава I Жизнь. История. Человек

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ: ФОРМЫ, СОДЕРЖАНИЕ, НАДЕЖДЫ.

Опубликована в 2026 г. в австралийском журнале Космос и история: журнал естественной и социальной философии

Данная статья была подготовлена в 2007 году в условиях ограниченного доступа к широкой источниковедческой базе по не зависящим от автора причинам. Основным теоретическим фундаментом работы послужили заметки, сделанные в процессе прочтения трудов А. Тойнби, О. Шпенглера, Н. Данилевского, М. Вебера, К. Ясперса, Ф. Хайека, М. Хайдеггера и многих других мыслителей, еще начиная с 1990-го года. Из книг в моем распоряжении была только «История цивилизаций» Л. А. Моисеевой (Ростов-на-Дону: Феникс, 2000). Автор допускает, что в тексте могут содержаться идеи или отдельные формулировки, заимствованные из указанных и других источников без прямой ссылки на конкретные страницы. В связи с этим автор заранее приносит извинения за невозможность точного цитирования в настоящей редакции. Возможно, это обстоятельство и послужило «свободному полету» моих мыслей в виде оригинальных идей и выводов. В современных условиях доступности всевозможных источников и обилия информации я, возможно, не смог бы так смело рассуждать, как это сделал тогда.

Статья состоит из двух разделов. Первый — **Общество и цивилизация**, который делится на 10 подтем: 1) *Человек, история и общественные формы*; 2) *Локальное общество*; 3) *«Вольное» общество*; 4) *Общество как социальный организм*; 5) *Развитие общества по круговому принципу*; 6) *Особенности цивилизации*; 7) *Переход к цивилизационному циклу*; 8) *Развитие цивилизации*; 9) *Причины гибели цивилизации*; 10) *Мировая цивилизация*. Рабочее название второго раздела — **Человеческое развитие**.

I. Общество и цивилизация

1. *Человек, история и общественные формы*

Все прошлое человечества — это процесс борьбы человека за существование. Однако с появлением социальных групп и общественных форм, в результате длительного развития межличностных отношений, у человека сформировались ценности и представления, изменившие сам смысл его бытия. Наряду с борьбой за пропитание и защиту началась гонка за самовыражение, принимавшая порой немислимые формы.

Как только удовлетворение природных, биолого-физиологических потребностей перестало быть единственной главной заботой, в человеке развилось стремление быть выделенным, замеченным, превзойти других. Это проявилось в его поступательном движении по пути самосовершенствования и поиска признания в своем окружении. Именно постоянный поиск способов удовлетворения этого желания стимулировал развитие сознания, мышления и ума. В то же время постоянное противостояние многочисленных социальных групп (родов, кланов, племен) сделало борьбу за существование процессом крайне сложным. Она требовала всё больших и всё более организованных совместных усилий.

Для этого приходилось находить всё более изощренные способы сосуществования, а главное — усваивать новые формы сотрудничества и взаимоотношений. Становление общества стало реальностью. Отныне человеку приходилось считаться с мнениями других и согласовывать свои действия с принятыми в обществе установками. Так борьба за существование привела к формированию общественных форм, ставших полноценными **объектами истории**.

Тем временем стремление человека к превосходству росло в гигантских масштабах и привело в движение саму историю. Весь «переполох» истории — войны и революции, создание государств, искусство, наука, образование, философия, великие подвиги и появление незаурядных личностей — есть результат деятельности человека по удовлетворению его жажды превосходства. Всё это обеспечило развитие человека и составляет содержание человеческого существования, а следовательно — является подлинным **предметом истории**

Впрочем, сам процесс развития человека и есть история. Всё остальное — общественные, политические, религиозные изменения, войны, революции, искусство, города — является лишь событиями, зачастую случайными, которые служат фактографическим материалом, внешними симптомами истории. Они имеют значение для изучения и оценки прошлого лишь постольку, поскольку способствовали человеческому развитию и, следовательно, социальному прогрессу.

Отсюда вытекает понимание *истории как постоянного стремления человека к физическому и духовному самосовершенствованию, к улучшению условий своего существования в социальном, культурном и материальном планах — стремления, которое нередко на неопределенное время сдерживается силами традиции, религии и власти.*

Для оценки истории принципиально важно изучение факторов, вызвавших возникновение того или иного общества, и принципов его самосохранения, ибо именно от них зависит характер и эффективность формирования социальных, экономических и политических институтов. От того, какой принцип заложен в основу самосохранения общества (традиционно-консервативный, тоталитарный, либерально-демократический и т. д.), зависит его способность содействовать человеческому развитию, что предполагает наличие в нем простора для самореализации личности и раскрытия её внутреннего потенциала.

Но вернемся к общественным формам, являющимся, как мы уже говорили, основными объектами истории как науки. Их можно разделить на четыре группы, тесно переплетающиеся и варьирующиеся. Три из них относятся преимущественно к историческому прошлому и образуют соответствующие типы общества.

Первую группу составляют общества, характеризующиеся локальными структурно-организованными социально-культурными общностями; сокращенно — **локальные общества**. *Вторую* — общества, не имеющие строгих организационно-структурных ограничений при сохранении духовной и социально-культурной идентичности участвующих в них людей. Их условно можно назвать «**вольными**» обществами. *Третья группа* представлена **цивилизациями**. Особым, четвертым типом общества является современная **мировая цивилизация**.

Ни одна из этих групп не существует в чистом виде. В рамках одного пространства один тип общества сменялся другим, а иногда они сливались между собой, хотя для каждого типа, безусловно, можно найти характерные образцы. Поэтому, стремясь понять внутренние движущие силы, приведшие к образованию и разрушению общественных типов, мы можем лишь констатировать преобладание в них тех или иных черт и делать на этой основе гипотетические выводы

Эти типы общества, как уже говорилось, оцениваются по тому, насколько они способствовали развитию человека (его мышления, способностей) и прогрессу социальной жизни населения. Экономические и материальные составляющие рассматриваются здесь лишь как средства достижения цели — социального прогресса.

Мы считаем, что одним из основных показателей общественного развития должен являться рост самосознания народа. Это подразумевает появление у человека возможностей для реализации своего внутреннего потенциала, индивидуальных качеств и личной самоотверженности; создание непревзойденных образцов народного творчества, отличающихся оригинальностью и своеобразным стилем; бесконфликтное и свободное сотрудничество людей,

почитание личности и чести, приверженность истине, весомость слова и другие человеческие качества, являющиеся основой для социального и духовного прогресса.

Общество — это сложный процесс. С самого момента его возникновения в нем проявляются объективные явления и силы, действующие независимо от воли и ожиданий людей. Люди не всегда могут устраивать жизнь так, как того требует их внутренняя сущность. Им постоянно приходится подчинять свою волю требованиям, исходящим то от власти, то от религии, то от традиций. Реальность такова, что многих это устраивало: им казалось, что так и должно быть. Они даже не ощущали в себе сил, способных изменить их самих и окружающий мир.

Так создавались реальные условия для существования общества, когда естественный ход жизни обуславливался общими для всех правилами, установленными ценностями и нравственностью. Формировалось соответствующее общее сознание и представления, питающие всю мыслительную деятельность людей. В таком обществе каждый знает своё место и назначение, а жизнь каждого человека взаимообусловлена. К тому же специфическое вероисповедание создаёт духовное единение. Так образовалась своеобразная локально-культурная общность, где жизнь вращается вокруг своей оси, всё сводится к одному и тому же, всё привычно и обыденно. Мысль уходит внутрь, а сознание обобществляется.

Корни всех народов и цивилизаций исходят из подобных локальных социально-культурных общностей. В сознании каждого народа живы представления о «старом добром времени», некогда существовавшем в прошлом. Каждый народ стремится возвести свое происхождение к тем далеким эпохам, когда закладывались основы его нынешнего бытия. Причем чем глубже уходят эти корни, тем более основательными и незыблемыми они кажутся.

В истории действительно существовали этнообразующие и культуuroобразующие самодостаточные локальные среды. Они появлялись, развивались и исчезали. Этот процесс подобен созреванию плода: он растет и наливается силой, но рано или поздно в нем начинается брожение и гниение. Внутри такой системы перестает «пахнуть свежестью» — развитие останавливается. Люди впадают в отчаяние, а смысл и идеалы их существования теряются где-то в подсознании. Наступает распад. Завершается один цикл, замыкается круг, и жизнь переходит в другое состояние.

Но это еще не цивилизация. Первый замкнутый цикл не создает её. Подобную социальную единицу можно назвать первоначальным — по отношению к конкретному народу или будущей цивилизации — локальным обществом. Разумеется, далеко не каждое такое общество успевает завершить полный круговой цикл рождения, созревания и деградациии. Жизнь многих из них прерывается в силу ряда внешних или внутренних обстоятельств. Существуют также массы людей, образующих роды, племена и народности, но еще не объединенных в столь строго разграниченные локальные структуры.

2. Локальное общество

Локальное общество представляет собой своего рода среднюю ступень развития человечества, образуя самостоятельную социальную единицу между семьей, родом, племенем и цивилизацией. Таким образом, человек приходит к локальному обществу уже сформировавшимся, обладая всем набором индивидуальных человеческих качеств. Десятки тысяч лет до этого он жил своей несоизмеримой, беспокойной, но именно она сформировала его характер и личностные, в том числе этические, качества.

Побудительным мотивом для образования локального общества, безусловно, являлся первоначальный инстинкт самосохранения, передававшийся от отдельного индивида к роду, племени и другим общностям. Стремление каждого народа отгородиться от других исходит из того самого инстинкта. Так, те или иные племена или группы племен перед лицом общего врага объединялись в более крупные союзы и начинали обустривать свою жизнь.

Однако для этого им приходилось решать, как минимум, две основные осознанные проблемы: сохранение внутреннего единства и отражение натиска внешнего врага. Те, кто сумел

решить их, превратились впоследствии в локальное общество. Те же, кто не смог или не хотел мириться со способами их решения, вновь возвращались в бесформенное в структурном плане, но вполне человеческое и естественное (хотя и нелёгкое) существование

Для решения этих задач вновь образованному обществу предстояло избрать или признать реального предводителя — авторитетную личность. Поскольку сохранение единства было первоочередным делом, на него возлагалась задача по контролю над выполнением общественных правил, устоявшихся обрядов и традиций.

Однако со временем такой предводитель превращался в своеобразного учителя-наставника, оракула, который не всегда отличался воинственностью, смекалкой или организаторскими способностями. Поскольку вторым жизненно важным условием была борьба за превосходство над внешним врагом, в обществе параллельно с «хранителем традиций» выдвигались (часто де-факто) вожаки для организации защиты и нападения. Такая потребность привела к возникновению в обществе двоевластия, представители которого не всегда мирно уживались между собой.¹

Первые стремились сохранить традиции, обрядность и «нравственную чистоту» общества; вторых же заботило обеспечение боеспособности населения, что предполагало предоставление людям некоторой свободы для инициативы и самореализации личности. В мирное время преобладало влияние традиционалистов, в периоды войн и напряженности — власть рационалистов. Элементы этих двух вертикалей управления можно найти в любом обществе, вплоть до современных, без исключения

Наличие этих двух элементов закономерно для естественного хода истории и формирования локальных обществ с их специфическим социально-культурным укладом.

Именно эта самобытность и специфичность являются главным мотивом функционирования локального общества как единого социального организма. Смыслом существования людей в такой среде становится сохранение своей национально-культурной идентичности, ради чего и создаются социальные институты, включая различные вертикали власти

Таким образом, локальное общество можно представить как *исторически сложившееся объединение людей по национальному и территориальному принципам, образующее систему естественных социальных отношений. Эта система направлена на создание приемлемых условий существования и обеспечение самосохранения общности как культурного, этнического, социально-экономического и, зачастую, политического единства*

Главной отличительной чертой локального общества, выделяющей его из общего понятия «общество», является замкнутость и нерасчлененность его структуры на самостоятельные части. Социальные отношения в такой среде — включая сознание, верования, культуру, быт и нравственные устои — изначально производны от природы, первичны и несут на себе ярко выраженные специфические, местные черты

В локальном обществе личные интересы подчинены общим. Личное начало развито слабо. Такое общество традиционно построено по принципу «первичного коммунизма», где людьми движет мотив, заданный откуда-то из глубины прошлого. Личная инициатива здесь мало чего стоит, а следовательно, отсутствует и индивидуальная ответственность за общее дело. Духовно человек растворяется в коллективном, а физически воспринимается лишь как часть единого целого.

Это общество статично. Заметные изменения — как по форме, так и по содержанию — происходили редко и крайне медленно. Даже очевидные усовершенствования в хозяйстве и быту не внедрялись до тех пор, пока не получали «благословения» авторитета. Естественно,

¹ Часто под предводительством такого вожака группа лиц вырывалась из лона родного общества и, опираясь на свою организованность, занималась завоеванием других, более слабых в военном отношении общностей. Именно так действовали гунны, кельты, булгары, инки, ацтеки, этруски и другие.

что в таких условиях традиции и опыт сохранялись веками. Люди смотрели на мир исключительно через призму этого опыта. То, что не укладывалось в общие каноны, объявлялось сверхъестественным, чудом, посланным извне и не зависящим от человека. Так складывалось специфическое мировоззрение, перерастающее в вероисповедание и религию.²

Социализация отношений человека с окружающим миром и себе подобными происходила еще со времен первых объединений в группы по принципу семьи, родственной общины, клана, рода или племени. В условиях локального общества этот процесс усложняется и переходит в этап своей зрелости.

Локальное общественное образование представляет собой своего рода синтез этнического и социального начал. В нем человек связан уже не только узами крови: его кругозор и деятельность выходят за рамки чисто родоплеменных интересов. Тем не менее, национальное (этническое) единство в таких обществах отнюдь не является исключением — напротив, в большинстве случаев оно выступает как базовый, фундаментальный принцип.

В последующем — как до, так и в условиях крупных политических и государственных образований — общество продолжало делиться на отдельные ячейки: этнические общины, села, города и прочее. В таких масштабах основные принципы формирования локального общества постепенно размываются. Тем не менее, внутри этой среды вполне могут возникать новые локальные общности, обладающие местной спецификой вероисповедания и собственными правовыми нормами

Локальное общество в рамках больших цивилизаций и государств выступает как обособленный элемент всеобщего. Даже в условиях правового и политического включения в общую орбиту, оно способно сохранять свою социально-культурную идентичность. Такую единицу можно определить как **Социально Единенное Локальное Общество — СЕЛО**. Данная аббревиатура по своему звучанию и сути соответствует понятию «село», которое исторически является первичной формой локального сообщества и зачастую служит очагом для формирования более крупных локальных образований.

В исторических цивилизациях локальное общество проявляется наиболее отчетливо, обладая значительной автономией по отношению к политическому центру. В современных государствах оно встречается реже и существует в более размытом виде. Тем не менее, к этой категории по-прежнему можно отнести национальные округа, компактно проживающие этнические меньшинства, общины единоверцев и другие подобные структуры

3. «Вольные» общества

Помимо общностей, объединенных в социально-культурные рамки, издревле существовали роды и племена, а иногда и целые народы, не успевшие или не пожелавшие встроиться в структуру локального общества. К ним же относились и те, кто сумел вырваться из тисков стагнирующей локальной среды. В основном это были кочевые и степные народы, занятые скотоводством и, частично, земледелием.

В истории немало случаев, когда народы, уже освоившие оседлый образ жизни и земледелие, впоследствии возвращались к скотоводству. Одна из причин этого, видимо, кроется в экономике. Однако немаловажную роль играло нежелание людей становиться объектом постоянных нашествий или жертвой неподвижного, угнетающего дух состояния. Так или иначе, параллельно с локальными обществами существовали многочисленные народы, не создававшие жестких структурных организаций

Высокий уровень духовного богатства и искусства этих народов, а также их каталитическое влияние на прогресс человечества не позволяют исключать их из процессов историче-

² Само по себе такое локальное общество не способно к самообновлению: по своей сути оно традиционно и глубоко консервативно. Этот единый социальный организм может быть разрушен либо под воздействием внешних военных и политических сил, либо — в редких случаях — под натиском внутренних рационалистических движений.

ского развития. Напротив, именно в таких сообществах происходило становление человека как индивидуальности, наделенной уникальными духовными и личностными качествами, а также вольнолюбивым и мужественным характером. По этой причине мы условно назвали такой тип социальной организации «вольным» обществом

В «вольном» обществе индивидуальные черты человека получили широкий простор для развития. Личность постоянно находила возможности для самовыражения и реализации внутреннего потенциала. Человек вел динамичный образ жизни, активно преобразуя себя и окружающий мир. Такое общество способствовало глубокой гармонизации человека с окружающей средой, природой и социальным окружением.

Вместо отношений безусловного подчинения люди выстраивали жизнь на началах компромисса. Если принять во внимание эзотерические концепции Востока, можно сказать, что жизнь человека в такой среде находилась в большем согласии с законами Космоса

Таким образом, «вольное» общество можно представить как *свободное объединение людей по территориальному, национальному, а в отдельных случаях — по целевому принципам. Оно характеризуется прочной культурной, нравственно-этической и духовной взаимосвязью, но не имеет жесткой структурной организации при номинальном функциональном правлении.*

Большинство таких обществ сохраняют высокий мобилизационный потенциал для ведения военных действий и отражения общей угрозы. Верования в них выступают скорее общим фоном или личным делом каждого, что выражается в ритуальном исполнении отдельных обрядов, тесно переплетенных с национальной традицией.

Таковыми были, например, арамеи (до образования империи), арабы, скифы, хунны, оогуры, аланы, тюркешы и многие другие народы. Многие из них стояли у истоков шумерской, персидской и туранской цивилизаций. Китайская, египетская, греко-римская цивилизации и цивилизация майя выросли из локальной среды, но также не без участия выходцев из «вольных» обществ. В то же время древнесемитские, халдейские, хеттские, хурритские, армянские и другие народности распадались в момент созревания у них локального общества, так и не сумев образовать устойчивую цивилизацию, или же растворялись в рамках крупных политических образований

4. Общество как социальный организм

Известно, что в каждом сообществе людей, объединенных традицией или обстоятельствами, со временем формируется круг «своих». Эти связи могут основываться на кровном родстве (семья, род, племя) либо на общности территории, социально-культурных ценностей и политических интересов.

В каждом из таких обществ индивидов объединяют общие интересы, направленные на защиту целостности всей системы. Проникновение любого внешнего элемента, способного нанести вред этой среде, встречает закономерный отпор. «Чужие», несущие в себе деструктивный заряд, в такой среде не приживаются. Таким образом, общество самопроизвольно отторгает нежелательные элементы. Механизм вытеснения чужеродных «тел» и вредоносных факторов из общественной среды практически аналогичен работе иммунной системы в биологическом организме

Таким образом, любая локализованная общность людей, где исторически и традиционно сложились непосредственные человеческие связи, может рассматриваться как **единый социальный организм** с взаимосвязанными микроструктурами.

Социально-психологические процессы самопроизвольного устранения негативных тенденций и элементов из собственной среды, равно как и механизмы их реализации, еще не стали объектами специальных междисциплинарных исследований. Вероятно, это связано с тем, что социальный иммунитет действует подспудно и с трудом поддается формальному определению.

Зачастую мы фиксируем лишь конечные результаты этого процесса, не осознавая самой механики его протекания

Инстинкт самосохранения заложен в организме с момента зачатия. Иммунные системы в нем складываются и функционируют по определенным принципам, которые детально изучаются научной дисциплиной — иммунологией. Эти системы обеспечивают сохранение и нормальную жизнедеятельность организма как целостного формирования.

В человеческом организме ключевую роль играют В- и Т-лимфоциты, которые активируются при проникновении чужеродных агентов (вирусов, бактерий). Также организм способен самостоятельно заживлять раны и противостоять внешним воздействиям (солнцу, жаре, холоду и т.д.). Существуют определенные органы (например, аппендикс), которые участвуют в защитных реакциях, действуя как на клеточном уровне, так и через лимфатическую систему. Однако они могут утрачивать способность вырабатывать необходимые защитные элементы из-за бездействия — например, вследствие избыточного поступления в организм готовых витаминов и питательных веществ

Поскольку человеку присуща душевная составляющая, его организму свойственна целая система защиты и от духовно-психологических «ран». Однако эти качества проявляются и функционируют в полной мере только при свободном социальном взаимодействии. Человек сам по себе является продуктом общественных отношений, и при вмешательстве в этот естественный процесс иммунитет социального организма может не работать.

Жесткая регламентация духовной жизни, ограничение свободы методами принуждения (политическими, религиозными, военными) способны лишь на время отгородить общество от негативных факторов. Рано или поздно это приводит к истощению внутренних естественных источников социального иммунитета — своего рода «социальному иммунодефициту». Мы не можем точно указать на эти источники; возможно, они кроются в биологических и психологических инстинктах, которые социализируются через культуру и духовность. Однако очевидно одно: чрезмерная опека над человеком и сакрализация «заботы» о его душевном состоянии, неизбежные в традиционных локальных обществах, подавляют его способность к самостоятельной жизнедеятельности

Это свидетельствует о том, что локальное общество не способно к бесконечному самовоспроизводству: его жизненная энергия и внутренние ресурсы со временем истощаются. Без притока новых сил такие общества неизбежно стагнируют и деградируют — так произошло с Китаем (в разные периоды), Римом, мезоамериканскими и раннеиудейскими цивилизациями.

Однако попытки «реанимации» системы неизбежны. Поскольку любое общество является развивающимся процессом, оно до последнего пытается сохранить свою целостность, и эти попытки порой принимают непредсказуемый характер. В результате мы видим ужесточение дисциплины, требование тотального повиновения, попрание свобод индивида и разрастание репрессивного аппарата (военно-полицейских механизмов). В этой агонии рушится не только социальная структура, но и сама личность — она деградирует, порой опускаясь до уровня первобытного существования

5. Развитие общества по круговому принципу.

Две параллельные противоположности являются основой развития во всем. Так и общество становится результатом борьбы множества перекликающихся, противоборствующих сил. Они образуют «плюсы» и «минусы» жизни, стимулируя развитие человека и социума в целом.

Например, противоборство традиционалистских и рационалистических сил, их попеременное доминирование, наряду с вековым противостоянием власти и стремящихся к свободе людей, составляет саму основу общественной жизни. В попытках удержать свои позиции стороны применяют различные, зачастую небезосновательные методы. Традиционалисты и властные структуры, обнаруживая свое бессилие, прибегают к услугам религии и железной дисциплине, обеспечиваемой административным аппаратом и силами принуждения. Рационалисты

и позитивисты, напротив, используют тактики саботажа, диссидентства и революции. Не является исключением и их взаимное проникновение, и переход одной противоположности в другую: дело здесь не столько в конкретных личностях, сколько в природе самих противоречащих друг другу общественных явлений.³

Эти противоположности в глобальном масштабе породили, с одной стороны, локальные, а с другой — «вольные» общества. Данные полюса социальной жизни всегда находились во взаимодействии и взаимообогащении как в экономическом, так и в духовном планах. Они во многом соответствуют категориям Инь и Ян в китайской философии: утонченному, сохраняющему начало Инь противостоит активное, мужественное начало Ян.

В процессе их борьбы стимулировался рост сознания и активности масс. В китайской истории, например, чередование этих полярностей давало богатую пищу для развития мысли. В результате возникали учения, порой диаметрально противоположные, каждое из которых описывало преимущества того или иного состояния. Даже в учении Конфуция наряду с понятием «ли» (беспрекословное служение государю и исполнение ритуалов) присутствует понятие «вэнь», означающее внутреннее самосовершенствование человека, ведущее к гармонии общества (Моисеева Л.А., 2000).

В традиционном Китае отсутствовало понятие линейного прогресса; изменения воспринимались как движение по кругу: всё, что когда-либо происходило, непременно возвращалось. Периоды раздробленности и разрухи сменялись «Великим единением». Однако, обретая это единство, люди оказывались скованными: тирания и рутинные ритуалы подавляли человеческое достоинство. Им приходилось веками ждать, пока стремление к свободе не находило брешь в «железном занавесе» или пока внешняя сила не разрушала стагнирующую структуру. Этот процесс можно назвать **принципом воронки**, когда жизнь то сужается до жесткой точки, то вновь расширяется в масштабах больших исторических измерений

Содержательная сторона жизни также развивается по круговому принципу, где левая половина круга представляет собой нисходящую дугу (Эманацию), а правая — восходящую (Эволюцию). Мир здесь видится в образе сферы, где нисходящая и восходящая части в равной мере образуют единство. При преобладании любой из них нарушается гармония духа и материи.

То, что мы привыкли считать развитием и прогрессом, с другой точки зрения может представлять собой деградацию и регресс. Что может быть регрессивного в стремлении человечества к комфорту и благосостоянию? Ответ кроется в том, что регрессии подвергается духовная составляющая. Совершенствуя материальный мир, человечество неизбежно порождает внутри и вокруг себя духовный голод.⁴

Все это является результатом Вечного Движения — процесса, направление которого диктуется вызовами современности. Если движение устремлено к поиску «золотой середины» между Духом и Материей, его можно считать созидательным. Если же оно отклоняется от этого центра, наступает фаза эманации (распада духа в материи).

³ Сегодняшний борец за свободу, взяв власть в свои руки, вполне может превратиться в тирана.

⁴ Фундаментальный вопрос развития заключается в поиске равновесия — той «золотой середины» между Духом и Материей, которая позволяет обществу прогрессировать технически, не теряя своей сакральной и человеческой сущности

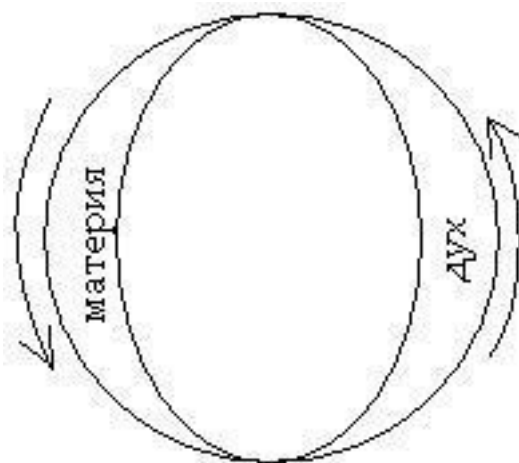

Рис. 1. Цикл движения, где чередуются процесс, идущие от духовного к материальному и наоборот

Поскольку долговременная фиксация в точке равновесия, согласно закону Вечного Движения, невозможна, «колесо жизни» находится в постоянном вращении. Темп этого движения не статичен: он неуклонно возрастает. Если в древности полный цикл занимал тысячелетия, то в современную эпоху он может завершиться за сто или двести лет. Очевидно, в прошлом каждый народ обладал собственным ритмом и собственным кругом движения, находясь на разных этапах этого вечного вращения.⁵

Это подтверждает, что всё в мире относительно. Но и сама относительность условна и временна: нет вечной истины, как нет и вечного критерия — всё переменчиво. История — это круговорот. Не время создает историю, а история создает время. Время — ничто, движение — всё.

Поскольку угроза преобладания материи постоянно тяготеет над человечеством, вечный Дух формирует над ним **Абсолютный Разум**. Он выступает балансиrom мира, компенсируя духовные потери и не позволяя Гармонии низвергнуться в Хаос. Бывает, что человечество само питает Мировой Разум своим сознательным стремлением к свету. Но бывает и так, что оно вынуждено «просить подачки» из-за глубокой деградации духа. Однако эти дары безжизненны — это социальные «кровезаменители» (например, догматическая религия), направленные лишь на поддержание существования, а не на процветание.

Утрачивая внутреннюю мощь, человечество временно потребляет внешнюю энергию, которая не имеет постоянного источника и потому не созидательна. Истинное процветание возможно лишь тогда, когда общество вырабатывает собственную энергию через собственный разум. Этот процесс разворачивается в масштабах Космоса, определяя взаимосвязь всех космических тел.

В конечном счете, правы и идеалисты, и материалисты. Преобладание тех или других зависит лишь от того, в каком направлении вращается Колесо Жизни в данный исторический момент

6. Особенности цивилизации.

Цивилизацию принято рассматривать как единый целостный организм, все части которого взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии. Развивая эту мысль, А. Тойнби отмечает, что цивилизация — это сложная система, обладающая внутренним механизмом

⁵ В перспективе исторический процесс должен быть направлен на трансформацию каждого индивида в самостоятельную социальную единицу. В этом случае "круг движения" переносится с общественного уровня на индивидуальный, что позволяет избежать фатального финала для человечества как целого.

функционирования. Он, наряду с другими сторонниками цивилизационного подхода, уподобляет цивилизацию биологическому существу, которое неизбежно проходит через этапы рождения, зрелости, старения и смерти. Подобный взгляд полностью соответствует исторической действительности.

Однако большие цивилизации вряд ли можно рассматривать как единый организм в строгом смысле слова. Даже общая вера не всегда способна обеспечить гармоничную взаимосвязь всех её частей. По мере экстенсивного роста — за счет политического и территориального расширения — внутреннее единство цивилизации деградирует. Внутри этой структуры начинают формироваться самостоятельные единицы — новые «организмы». Так, на лоне стареющей цивилизации зарождаются молодые социальные образования.

Неслучайно исследователи-цивилизационщики до сих пор расходятся в определении точного числа цивилизаций. Вероятно, как единый организм следует рассматривать не саму цивилизацию (за редким исключением) и не обширные культурно-исторические типы (по Данилевскому), а именно локальные общества, возникающие внутри или вне их границ. Любое такое локальное общество способно со временем перерасти в крупное территориально-политическое образование, претендующее на статус цивилизации. В этом случае она превращается в конгломерат разобщенной массы, в орбиту которой включены отдельные — созревающие или уже зрелые — локальные сообщества

Локальное общество, как было отмечено ранее, занимает промежуточную ступень между микрогруппами (семья, род) и макроструктурами (культурно-исторический тип). Однако культурно-исторические типы формируются далеко не всегда и не везде — их число по определению ограничено. Не каждому локальному обществу суждено дорасти до масштабов полноценной цивилизации.

В этом кроется методологическая ошибка А. Тойнби: вначале он принимал эти малые локальные сообщества за самостоятельные цивилизации, определив их количество в 100 единиц. По мере более глубокого проникновения в суть явлений он постепенно снижал это число до 36, затем до 21 и, в конечном итоге, до 13

Это дает повод утверждать, что цивилизацию вряд ли можно определить количественно с высокой точностью. Она представляет собой скорее фазу развития — качественное состояние общества, которое может проявляться в разных масштабах. Подобно тому как нельзя подсчитать, сколько «капитализмов» было в истории, а можно лишь указать страны с капиталистическим способом производства, так и цивилизационный цикл фиксируется в определенных местах и в определенное время.

При благоприятных условиях этот цикл проявляется в культуре, экономике и духовной сфере: науке, философии, творчестве. Важнейшим признаком здесь становится трансформация социальных отношений: освободившись от жестких традиционных и властных рамок, они превращаются в многогранные горизонтальные связи, не зависящие от национальной или религиозной принадлежности.

Где-то этот процесс происходил раньше, где-то позже, а где-то не проявился вовсе из-за отсутствия условий. Цивилизационный цикл имеет свои начальный, зрелый и заключительный этапы; он развивается за счет внутренней динамики, питаемой автономными источниками энергии. В этом и заключается возможность идентификации цивилизации — через указание места и времени, где протекала значительная часть этого процесса.

Однако цивилизация не является прерогативой конкретной культуры или конфессии. Культур много, а цивилизаций мало. Культура и религия сами по себе не образуют цивилизацию; они, как и войны, могут лишь служить толчком к её началу. Отличительной же особенностью цивилизации остается автономность её внутреннего развития, образующая самостоятельный круг движения

Процесс зарождения цивилизации образно напоминает формирование планет. Космическая пыль, состоящая из частиц различной плотности, с нарастающей скоростью вращается вокруг оси, в центре которой находится раскаленное ядро. Этот процесс подобен вихрю, всасывающему в себя всё окружающее пространство.

Скорость вращения ядра значительно выше скорости периферии. В случае формирования планеты, за счет проникновения в сердцевину наиболее тяжелых частиц и их трения о более легкие, медленно вращающиеся слои, центр накаляется. Происходит процесс рассеивания и отслоения материи. Образовавшийся в центре вакуум создает гравитационное поле, в то время как высокая температура оказывает колоссальное давление на окружающие слои. Когда оболочка не выдерживает, раскаленная магма вырывается наружу, формируя горные хребты. Эти массивы становятся своеобразными «клиньями» планеты, удерживающими шарообразное космическое тело от распада.

Нечто подобное происходит и с цивилизациями. Если при формировании космических тел первоначальным импульсом для возникновения вихря служит столкновение разнозаряженных частиц в условиях пустоты, то в случае с цивилизацией таким импульсом становится столкновение различных культур, мировоззрений и менталитетов. Это встреча двух начал: с одной стороны — локального, с другой — «вольного» обществ. Для запуска этого процесса необходимы условия, при которых «свободные частицы» — представители разных народов и социальных единиц — получают возможность для взаимного проникновения и обогащения.

Центром притяжения в этой системе обычно выступают города или агломерации, «продвинутые» в экономическом и культурном отношениях. Именно они становятся тем раскаленным ядром, вокруг которого закручиваются социально-экономические и духовные связи, вовлекая в свою орбиту всё новые элементы.

С этой точки зрения цивилизация — особенно на начальных стадиях — представляет собой среду, в которой различные типы обществ и культур получают возможность взаимного влияния при доминирующей роли одного или нескольких центров. Очагами распространения цивилизационных элементов становятся города, где в силу экономических, географических или политических причин создаются условия для такого синтеза.

Развивающаяся цивилизация — это, *прежде всего, способ человеческого существования, основанный на общепринятых правилах. Эти правила позволяют максимально широкому кругу людей реализовывать свои способности для достижения общественно значимых целей и удовлетворения материальных и духовных потребностей. Этот процесс опирается на вкус и традиции, выработанные опытом многих поколений, и поддерживается разветвленной сетью социально-экономических связей, протянутых сквозь пространство и время*

Цивилизация формирует осознанный стиль жизни и образ мысли, которые становятся эталоном для подражания новых поколений. В отличие от локального общества, здесь укрепляется вера в человека и в благородство его деятельности. Происходит своего рода Возрождение — гуманизация всех сфер бытия. Человек начинает осознавать себя не просто частью целого, но творцом и созидателем.

Осознавая свою социальную значимость, он видит отклик на свои деяния со стороны общества. Таким образом, человек превращается из пассивного «натурщика» в активного «художника» собственной жизни и окружающего мира. Его главным кредо становится стремление творить и добиваться успеха в условиях честной конкуренции с такими же свободными личностями.

Цивилизация — это, прежде всего, возможность. Она представляет собой масштабное социальное тело, лишенное, однако, жесткого внешнего каркаса: её прочность всецело зависит от активности свободных людей и групп. Ключевым фактором здесь выступает взаимная согласованность интересов в процессе удовлетворения материальных и духовных нужд. Эти связи

прочны лишь тогда, когда они возникают естественным путем. Любое вмешательство грубой силы или средств запугивания неизбежно ведет к разрушению этой органической целостности

Таким образом, понятие «цивилизация» эволюционирует от статично-накопительного к чувственно-образному восприятию. *Цивилизация — это динамика человеческих стремлений*. Наиболее отчетливо эта динамика проявляется в те периоды, когда в общественной и социальной жизни воцаряется автономность действий индивидов и социальных групп

В развитии цивилизации наблюдается отчетливая ритмика: она может «пробуждаться» или «отдыхать» в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. В фазе пробуждения доминируют рационализм и новаторство, включая научно-технический прогресс. В фазе отдыха на первый план выходят духовно-нравственные составляющие: искусство, архитектура и другие творческие направления обретают свой законченный, стилизованный образ.

Провести четкую временную границу между этими состояниями в масштабе всей цивилизации крайне трудно, однако легко выявить части системы, где попеременно преобладает то одно, то другое качество. Цивилизации органически присуща гетерогенность её структур. Важно признать: цивилизация «дышит», переливаясь из одного состояния в другое, что совершенно невозможно для ригидного локального общества.

Именно эта цикличность, пространственно-временная преемственность и гибкость социальной жизни обеспечивают цивилизации долголетие. Её жизненный цикл может быть насильственно сокращен лишь под давлением жестких религиозных или политических догм, а также при установлении абсолютной, деспотичной власти.⁶

Цивилизацию традиционно связывают с культурой, этнической общностью или религией. Безусловно, эти элементы присутствуют в ней как преобладающие. Однако ни один из них не является первопричиной её возникновения или исключительной основой. Здесь кроется наше несогласие с Тойнби, который рассматривал религию как своего рода «кокон» (куколку) для цивилизации.

Напротив: Именно цивилизация создает условия для формирования новой культурной атмосферы и новых этнических элементов. Мы часто путаем плод с деревом, забывая, что для религии и высокого искусства цивилизация служит единственной питательной средой. Тому пример — Римская империя для христианства. Без имперского масштаба, без её дорог и городов новая вера никогда бы не стала мировой силой.

Понятия цивилизации и культуры не идентичны. Цивилизация шире культуры, так как охватывает практически все сферы человеческой деятельности. В её рамках могут сосуществовать несколько культурных традиций, проявляющих себя в разной степени. В этом контексте тезис Шпенглера о том, что «культура национальна, а цивилизация интернациональна», имеет под собой прочное основание. Однако с его дальнейшим утверждением о цивилизации как лишь о финальной, «окаменевшей» стадии культуры вряд ли можно согласиться

Культура подчас служит лишь полем, на котором по собственным законам разыгрываются цивилизационные процессы. Главным же действующим лицом в них остается человек, независимо от его культурной принадлежности. Цивилизация зиждется на воле людей. Поскольку культура по своей природе традиционна и консервативна, она зачастую ограничивает волю человека, не давая ей раскрепоститься. В этом контексте удел культуры — стать внешним фоном цивилизации.

Корень цивилизации кроется в неуклонном стремлении человека к самореализации во всех доступных сферах: в политике и науке, в искусстве и духовном поиске. Цивилизация как особый процесс и атмосфера предоставляет человеку такую возможность.

⁶ Процессы отслоения, герметизации (отгораживания) отдельных частей цивилизации, а также их чрезмерного "уплотнения" как факторы, ведущие к деградации и гибели системы, подробно рассматриваются в отдельной главе.

Самодовлеющая роль культуры ярко проявляется в локальном обществе, где она материализуется в быту и традициях, а также в «вольном» обществе, где сильнее выражены её духовные составляющие. Однако на уровне цивилизации эти элементы дополняют друг друга и интернационализируются. Любой культурно-исторический тип является вторичным феноменом: он не имеет единственного «генетического корня» ни в одной конкретной нации или традиции. Его образ — это синтез культур, он сам является продуктом цивилизации

Аналогичным образом можно рассуждать и о роли языка в жизни цивилизации. Примеры стран Европы, Мезоамерики и Среднего Востока подтверждают: ни отдельный язык, ни даже группа родственных языков не являются определяющими критериями цивилизации.

Безусловно, один из языков — зачастую в силу политических или религиозных причин — может брать на себя роль лингва франка (языка межнационального общения). Так, на средневековом Востоке одновременно и гармонично функционировали арабский, персидский и тюркские языки, принадлежащие к совершенно разным языковым семьям. Разноязычие было характерно и для мезоамериканских цивилизаций, и для Европы эпохи Возрождения.

Таким образом, язык в структуре цивилизации выступает лишь как инструмент, средство коммуникации, но никогда не является первопричиной её возникновения или существования

Когда мы рассуждаем о своеобразии национальной культуры и специфических духовных ценностях, мы имеем в виду народ, находящийся на локальном этапе своего развития. Народ может сохранять свою специфику и в условиях цивилизации, но ему вовсе не обязательно перерастать в неё самому — он может просто раствориться в цивилизационной среде, созданной другими.

Если же на базе локального общества вырастает цивилизация, то и само общество, и сформировавший его народ неизбежно теряют самобытность. Народ жертвует ею ради масштабности и всеобщности. Цивилизация по своей природе многогранна и во многом искусственна: родственные узы в ней ослабевают, этика и традиции трансформируются в законы с массой поправок. Понятие долга сменяется формальной обязанностью. Деятельность людей диктуется уже не священным преданием, а политическими установками и естественными желаниями.

Массовость и универсализм угрожают поглотить уникальную культуру каждого народа, вовлеченного в орбиту цивилизации. Однако некоторым этническим, территориальным или кастовым сообществам удастся сохранить свою аутентичность. Они оберегают внутри себя семена будущего роста, чтобы на лоне старой, изжившей свой век цивилизации дать начало новому большому кругу истории

К понятию «цивилизация» мало относится и такая категория, как политическая независимость. Это явление эфемерно и относительно. В рамках единой великой цивилизации могут сосуществовать несколько политически суверенных стран или народов. И наоборот: некогда единое политическое образование может распасться на множество самостоятельных единиц, но целостность самой цивилизации от этого практически не пострадает.

Так было на средневековом Востоке: в границах одной цивилизации то и дело возникали независимые государства — Хорезмшахов, Караханидов, Газневидов, Сельджуков и другие. Наглядным примером также служат античные государства Греции и Малой Азии. Несмотря на то что Спарта, например, яростно сохраняла свою фактическую обособленность, это не мешает историкам безоговорочно включать её в состав единой греческой цивилизации

Наиболее сложны отношения цивилизации и религии. Последняя, по большому счету, сама является продуктом цивилизации. Для локального общества достаточно веры; однако именно в вере сосредоточена питательная среда для будущей религии. Религия возникает как попытка придать цивилизации некую основательность, всеобщность и единство — по образу и подобию локального общества. Она действительно составляет наиболее прочный каркас любой цивилизации, и именно благодаря ей многим из них удается просуществовать века.

Однако внутренняя несвязность и структурная экстенсивность самой цивилизации со временем неизбежно передаются и религии. Она начинает дробиться: возникают новые течения, секты и конфессии. При этом некоторые конфессии, зародившиеся внутри отдельного локального общества, могут перерасти в мировую религию, если это общество со временем трансформируется в цивилизацию. Так произошло с индуизмом, манихейством, православием, протестантскими течениями и другими направлениями

7. Переход к цивилизационному циклу.

Обязательным условием возникновения цивилизации является смещение (синтез) двух типов обществ: традиционно-локального и рационального «вольного». Вопрос заключается лишь в степени преобладания того или иного начала в конкретном процессе формирования цивилизации.⁷⁷

Далеко не каждое локальное общество способно стать основой для цивилизации. По своей природе оно не предрасположено к такому перерождению. Статичное, «перезрелое» общество, опирающееся исключительно на вековые традиции, где рациональная власть и идеология развиты слабо, не находит в себе внутреннего импульса для расширения (характерный пример — Тибет). Оно остается герметичным и слабо воспринимает культурное влияние извне.

Напротив, для запуска цивилизационного процесса наиболее подходит зрелое, развивающееся локальное общество, где сохраняется сильное влияние «второй вертикали» — рациональной власти. В борьбе за свои интересы против традиционалистов эта рациональная часть элиты часто ищет поддержки извне. Позитивистски настроенные круги такого общества играют решающую роль даже в случае завоевания их народа другими силами: они становятся связующим звеном между ортодоксальной местной культурой и культурой победителей, активно включаясь в созидание новых политических и общественных реалий

В тех же случаях, где власть традиционалистов непоколебима, локальное общество (или его значительная часть) способно пережить внешнее завоевание практически без внутренних изменений: либо за счет полного поглощения культуры завоевателей, либо путем глубокого самоизоляции.

Так или иначе, политическое, культурное, а порой и религиозное давление, оказываемое на локальное общество извне, создает объективные предпосылки для запуска цивилизационного процесса

Так, цивилизационные элементы в Китае не могли оформиться без политического и духовного влияния северо-западных кочевых народов. Так называемое полуварварское царство Цинь образовалось при значительном участии кочевников, в частности — жунов (стоит вспомнить реформы Шан Яна в середине IV века до н. э.). Неоднократные завоевания хуннами разных земель в конце прошлой и в начале новой эры нередко встречались с воодушевлением многими представителями традиционного китайского социума. На протяжении многих веков происходил исход элементов, не уживавшихся в среде Поднебесной и несогласных с её порядками, в сторону вольного общества Степи. Великая стена была возведена в той же мере для обороны, в какой и для удержания потенциальных беглецов в предписанной зоне. В завоеваниях хуннов часто участвовали китайские перебежчики, включая полководцев; именно множественность таких актов и определила ритмичность развития Китая.

Аналогичные процессы наблюдались и в других центрах: египетская цивилизация не могла состояться без проникновения в эту среду групп из средиземноморской или шумерской ойкумены, а индийское локальное общество перерастало в цивилизацию дважды — сначала

⁷⁷ Нередко "беспокойная" часть локального общества, отделяясь от него, начинает строить жизнь на принципах "вольного" общества. Намного реже это происходит через радикальное разрушение исходной локальной структуры. При этом сами "вольные" общества со временем неизбежно трансформируются обратно в локальные, если на их основе не запускаются цивилизационные процессы. Последние же могут зародиться как на базе локального, так и на базе вольного типа социума.

под влиянием ариев, а затем в результате тюрко-персидского завоевания в X веке. Микенская культура возникла из слияния дочерних критских элементов с политическим плюрализмом материковых народов, в то время как Спарта безуспешно пыталась законсервировать локальный уклад методами унификации и жесткого подавления индивидуальной воли.

Без арабского завоевания и исламского влияния вряд ли могла возникнуть столь пестрая в культурном и духовном плане арабо-мусульманская цивилизация. Здесь решающим стал момент создания единого социально-политического пространства, приведшего к взаимному переплетению культур и оживлению духовной жизни народов. Даже доколумбовы инки и ацтеки пришли извне, установив свою диктатуру на базе древних локальных обществ. Наконец, Шумерская цивилизация — древнейшая на Земле — была основана степными народами из Азии. Впоследствии она раздробилась на несколько локальных обществ.⁸ Из них ассирийское, аккадское, вавилонское общества, не состоявшись как локальное, впоследствии вновь синтезировались в большую Месопотамскую цивилизацию. Хеттское и хурритское общества также наглядно сочетали в себе элементы как локального, так и «вольного» типа социума.

После Великого переселения народов в IV веке и завоевания Галлии франками в Европе возник уникальный шанс для рождения новой цивилизации. Однако Европа не пошла дальше создания королевства Хлодвиг и империи Карла Великого. Причиной тому послужила чрезмерно сильная церковная власть, тотально охватившая жизнь людей и наложившая искусственные ограничения на связи между разрозненными княжествами и государствами.

Подлинное усиление цивилизационных процессов в Европе началось лишь тогда, когда народы, измученные церковным гнетом, стали «пробуждаться»: на юге — в точках соприкосновения итальянской культуры с северными народами; в Центральной и Восточной Европе — под мощным влиянием тюрков, монголов и славян; а в Англии — в результате синтеза культур саксов и норманнских завоевателей. Таким образом, европейскую цивилизацию эпохи Возрождения нельзя считать прямым продолжением Римской: последние отголоски античности окончательно исчезли вместе с падением Византии.

По каким причинам происходит взаимное смещение локального и «вольного» обществ? Прежде всего, это торгово-экономические и духовные интересы, испытываемые народами, ведущими принципиально разный образ жизни. Однако история знает множество случаев их враждебности, нередко перераставшей в военные столкновения. Причем результативностью отличались в основном действия «вольного» общества по отношению к локальному. Походы последних часто заканчивались ничем: примером тому служат войны Кира и Дария против массагетов и скифов, а также многочисленные безуспешные марши китайцев против северо-западных кочевников.⁹

Однако эта враждебность таила в себе и взаимную симпатию. Историческая закономерность такова, что после захватнических войн победители и побежденные в течение нескольких поколений сливались в единое целое. Вероятно, это происходило потому, что каждая сторона находила в другой то «недостающее звено», которое позволяло выстроить по-настоящему полноценную жизнь. Следовательно, враждебность — явление внешнее и предвзятое, поддерживаемое верхушкой, «хранителями» традиций и норм. Именно эта прослойка является главной преградой на пути к цивилизации. Её устранение тем или иным путём означало создание условий для начала цивилизационных процессов.

Иногда цивилизационные процессы могут запускаться и в условиях раздробленности, возникающей в результате разрушения локального общества в ходе внутренней борьбы.

⁸ Предположительно эти общества, образовавшиеся на юге и севере арабского полуострова, на Юг-Востоке Средиземноморья, а также протоэламское, маргушское и др. общества

⁹ Поэтому нередко традиционные общества использовали против народов "вольного" общества тактику натравливания их друг на друга

Однако история распорядилась так, что основной причиной этого чаще становится политическое, военное и духовное воздействие «вольного» общества на локальное.

Подобная раздробленность на деле означает автономность хозяйственных, социальных и политических единиц, а также значительную степень свободы людей в экономических и духовных отношениях относительно центральной (зачастую лишь номинальной) власти. В такой среде происходит интенсивное взаимопроникновение культур, мировоззрений и образов жизни людей разного склада ума. Именно это создает условия для реализации человеческого потенциала во всех направлениях и поиска наиболее оптимальных социальных форм. Такая атмосфера стимулирует человека к подлинному экономическому, социальному и духовному прогрессу.

Подобное положение дел создает уникальные условия для реализации человеческого потенциала во всех направлениях индивидуального и общественного развития, а также для поиска наиболее оптимальных социальных отношений. Раздробленность и децентрализация стимулируют человека к экономическому, социальному и духовному прогрессу, превращая распад старой жесткой структуры в начало нового цивилизационного взлета.

Даже при сохранении сильной центральной власти, если её законодательные и политические установки поощряют автономность и обмен, становление цивилизационных отношений происходит стремительно. В противном случае хозяйственные и социальные ячейки изолируются друг от друга, и прочный экономический и социальный фундамент цивилизации не успевает сложиться (как это было в раннесредневековой Европе).

Цивилизационные процессы неизбежно затормаживаются и при установлении жесткой политической диктатуры с иерархическим административным устройством. При этом внешние атрибуты — развитие придворного искусства, науки, литературы или градостроительства — могут сохраняться. В таких условиях наиболее общим фоном часто выступает религия; однако она не имеет прямого отношения к динамике цивилизационных процессов, а в отдельных случаях и вовсе задерживает их развитие

8. Развитие цивилизации.

При наличии описанных выше условий цивилизация развивается на основе собственных источников, кроющихся как в многовековой традиции, так и в новых социально-экономических обстоятельствах. Главной движущей силой становятся сами люди, которые, опираясь на исторический опыт, получают возможность реализовывать свои устремления в условиях обретенного простора. Человек, предоставленный самому себе, вынужден самостоятельно искать выход, что открывает перед ним новые горизонты и неведомые ранее объекты познания. В результате складываются естественные отношения, основанные на новых формах сотрудничества различных групп, культур и конфессий с порой диаметрально противоположными типами мышления.

Происходит интенсивный селекционный процесс, приводящий к перегруппировке социальных, культурных и даже этнических слоев. Энергия людей, вырвавшихся из оков сакральных и традиционных ограничений, сама порождает новые идеологические, духовные и материальные ценности. Не догмы втягивают в себя людей, а люди создают ценности в результате собственных деяний. Чем больше народов вовлечено в этот процесс, тем более динамичный и многогранный характер он приобретает; прагматизм и рациональность здесь окончательно берут верх над традиционностью.

Данная стадия развития образует своего рода социогеноценоз — самовоспроизводящуюся систему отношений и обмена ценностями. Чем разнообразнее этот обмен, тем долговечнее цивилизация. При отсутствии грубого внешнего вмешательства система сама балансирует спрос и предложение, уровень потребления и духовные запросы. По аналогии с биологией, где Дарвин описывал «движущий отбор», обеспечивающий выживание наиболее адаптированных генотипов в меняющейся среде, цивилизация формирует новые «популяции» идей и социальных видов. В то время как в локальном обществе преобладает «стабилизирующий отбор»,

фиксирующий застывшие формы, отличительными чертами цивилизации являются динамизм, разнообразие и многонаправленность.

Это явление напоминает гумилевскую пассионарность, которая, по мнению автора, идет вразрез с инстинктом самосохранения. Однако формирование «пассионарной популяции» происходит не под влиянием природных катаклизмов или космического излучения, как считал Гумилев, а в результате активизации рационалистических движений. Этот процесс не зависит от климатических условий и тем более — от космических изменений; его источником является внутренний интеллектуальный и волевой ресурс человека.¹⁰

Несмотря на кажущуюся хаотичность социально-экономических и культурных процессов, развитие цивилизации подчинено собственному внутреннему закону. Если для экзистенциалистов (в частности, Хайдеггера) тезис о человеке, «выброшенном в абсурдный мир», стал поводом отрицать объективный смысл истории, то для нас именно он служит основой для утверждения объективной закономерности цивилизации.

Здесь, как и в свободных экономических отношениях, цивилизация вырабатывает собственные «правила действия».¹¹ В совокупном поведении огромного числа субъектов («частиц») неизбежно проявляются особые системные закономерности. Для социологии крайне важен аналог из молекулярной физики: свойства макросистемы обусловлены не только индивидуальными качествами частиц, но и особенностями их совокупного движения и средними динамическими характеристиками — скоростями и энергиями.

Действительно, цивилизация всегда предполагает определенную степень свободы людей — «социальных частиц». Бывшие устои, некогда спланировавшие их, утрачивают силу, и наступает эпоха «блуждающих миров». Их движение в одних случаях обусловлено уже сложившимися закономерностями и интересами, в других — эти интересы только формируются в меняющихся условиях. Свободные элементы притягиваются лишь теми силами, которые отвечают запросам большинства. Умы охватывает борьба идей, культур и взглядов: каждая сторона стремится доказать свои преимущества, обосноваться и заявить о своей уникальности.

Развитие культуры происходит на новой интернациональной базе, аккумулирующей достижения разных народов. Эта эпоха — стадия «младенческого роста» цивилизации (длительностью примерно 100–180 лет) — является наиболее эффективным периодом, когда вырабатываются черты нового общественного типа. При благополучных условиях за ней следует эпоха стабилизации («взросление и зрелость»), способная длиться столетия и даже тысячелетия. В это время складываются канонические стили во всем: от искусства и архитектуры до научно-познавательных сфер и норм поведения. В масштабных цивилизациях эти процессы могут протекать неравномерно: в одних регионах отход от традиций замедлен, в других — в цивилизационную орбиту постоянно втягиваются новые этносы, на что влияют характер правления и воля местных лидеров.

В эпоху зрелости продолжается активная перегруппировка сходных элементов, что свидетельствует о сохранении жизненной энергии цивилизации. Разворачивается борьба религий, стремящихся объединить разрозненные социальные частицы, сражаясь за власть и влияние на умы. Политические структуры нередко используют возможности конфессий для укрепления собственного господства.

¹⁰ Речь идет не о мифической "Гармонии Человека, Природы и Космоса", а о скачкообразных изменениях и возникновении новых популяций [идей и социальных групп], которые могут быть вызваны исключительно социально-политическими обстоятельствами.

¹¹ В любом хаотическом движении заложены определенные статистические правила. Так, свободные и, на первый взгляд, хаотично движущиеся электроны в металле при воздействии электрического поля превращаются в упорядоченную систему — проводник энергии. Именно наличие свободных электронов и ионов является ключевым показателем электропроводности вещества

Так, сельджукские и иные центрально-восточные правители успешно использовали потенциал ислама, обогатив его содержание и сумев органично сочетать теологические доктрины с научным прогрессом. Напротив, монголы не смогли (или не пожелали) стать катализаторами оригинальных идей или религиозных реформ, ограничиваясь механическим вписыванием в сложившуюся обстановку. Не приняв в расчет глубокое влияние религии на структуру общества, они легко растворились в различных конфессиях. Лишь их ассимилированные потомки в той или иной степени начали поощрять науку и литературу (как, например, Улугбек, Абулгази и другие).

В недрах зрелой цивилизации сосуществуют взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, в ряде областей продолжается динамичный отбор, порождающий новые социальные группы и подпитываемый рационалистическим стремлением к прогрессу. С другой — возникают очаги стагнации, где культурная и общественная жизнь окончательно стабилизируется. В благоприятных условиях из таких автономных образований со временем вычленяются структуры локального типа. Однако эти процессы поначалу малозаметны и со всей отчетливостью проявляются лишь на стадии распада цивилизации.

Подобная фрагментация — естественный процесс развития; попытки же искусственно остановить его, как правило, приводят к установлению тоталитаризма, ярким примером чего служит поздняя Римская империя

Все описанные тенденции развития цивилизации могут варьироваться по характеру и темпу в зависимости от политической и социально-экономической обстановки, но никогда — от природной или культурной среды самой по себе. Влияние же религии здесь прямо пропорционально масштабу её слияния с политической властью. Анализ истории показывает, что наиболее мощные цивилизационные процессы происходили там и тогда, где процветал «движущий отбор», обеспечивающий свободу и автономию социальных единиц — «блуждающих миров». Их движение подобно небесным телам: оно подчинено строгим внутренним законам и взаимной обусловленности.

Спиралеобразный вид некоторых галактик напоминает начальную стадию образования планет, где в роли космической пыли выступают звезды и иные тела. Подобно им, цивилизация вовлекает в сферу своего влияния разрозненные элементы, которые порой образуют самостоятельные системы (локальные единицы). В этой среде неизбежно присутствуют и «свободные радикалы» — элементы, чье хаотичное движение со временем затухает, так как расслоение и уплотнение цивилизационной ткани уже не допускает радикальных изменений.

По аналогии с рождением звезд, где свободные электроны и протоны по мере затухания превращаются в твердые элементы и минералы, социальные единицы в цивилизации со временем начинают «кристаллизироваться». Их движение замедляется, а пассионарные популяционные процессы сохраняются лишь на периферии, где центростремительные силы ещё слабы. Тем не менее, процессы выделения энергии внутри самой цивилизации продолжаются; при либерально-демократическом устройстве общества этот период активного свечения может длиться исключительно долго.¹²

Чем дольше действует движущий отбор и чем выше концентрация «свободных радикалов» — индивидуумов, социальных групп, идей и взглядов — в едином пространстве, тем дольше длится жизнь цивилизации. Это означает, что свобода личности, независимость общественных движений и автономность структур (правовых, научных, творческих), а также их горизонтальная взаимообусловленность и продуктивные противоречия являются единственными гарантами прогресса.

¹² Подобным образом протекают ядерные реакции в недрах Солнца и других звезд: в результате столкновения высокоскоростных свободных протонов водорода образуется гелий и выделяется колоссальное количество тепла. Эти реакции являются основным источником энергии Солнца на современном этапе его эволюции.

Промежуток времени с момента рождения цивилизации до установления жесткой централизованной диктатуры — это наиболее благоприятный период для развития творческой инициативы, науки, философии и культуры. Именно этот интервал и представляет собой подлинную цивилизационную фазу развития общества

9. Причины гибели цивилизации.

Всякая система, существующая за счет внутренних движущих сил, неизбежно проходит через стадии развития к своему финалу или переходу в иное состояние. Это универсальный закон, применимый и к цивилизациям. Однако законы сохранения энергии и теория относительности действуют и в социальном поле: неизменными остаются «первичные материалы» — человек, семья, род, из которых кристаллизуются локальные и «вольные» общества.

В условиях территориальной и культурной замкнутости локальных обществ происходит их «перегрев»: этнокультурные связи заменяются функциональными (социально-экономическими), имеющими светские или религиозные основы. Эти надэтнические связи часто оказывались непрочными, ведя к распаду, однако их «дух» — потенциал новых отношений — сохранялся. В момент столкновения локальных и «вольных» миров этот дух находил пространство для реализации, создавая цивилизацию, основанную на волеизъявлении людей и горизонтальных связях. Именно в многовариантности этих связей, где катализатором выступали элементы «вольного» общества, заключена жизнотворящая сила цивилизации.

Несмотря на гибель самих цивилизаций, созданные ими системы (правовые, научные, градостроительные) передаются через письменность и знания. Трагедия же прошлого заключалась в том, что политики были прагматиками, а не стратегами: движимые инстинктом самосохранения, они стремились к жесткому единству и сплоченности. Этот групповой «эгоизм» со временем давал обратный эффект, запуская механизмы распада под давлением внешних факторов, не подчиняющихся узким интересам власти

Так почему же гибли цивилизации, являющиеся наиболее приемлемой общественной формой и способом существования человечества?

Многие сторонники цивилизационного подхода полагают, что в основу любой цивилизации изначально заложены зачатки разрушительных процессов. Применительно к историческим примерам это действительно так, но в еще большей степени это утверждение относится к локальным обществам. В них со временем неизменная традиция, мистицизм, закостенелый догматизм и статичный образ жизни окончательно сводят на нет творческое начало и стимул к развитию. В результате такое общество легко становится добычей для других.

Само по себе локальное общество не способно на самообновление в силу своей внутренней консервативности. Этот единый, но застывший организм в большинстве случаев разрушается под воздействием внешних военных и политических сил, и лишь в исключительных ситуациях — под давлением внутренних рационалистических движений

В отличие от локального общества, цивилизация всегда предполагает определенную степень свободы личности и социальных единиц. Её поступательное развитие напрямую зависит от автономности структурных частей. Следовательно, внутренняя закостенелость в принципе не является имманентным свойством цивилизации. Однако трагедия истории заключается в том, что это необходимое условие — автономию и свободу — далеко не всегда удается сохранить на протяжении долгого времени

В целом цивилизация представляет собой компромиссный вариант взаимодействия локального и «вольного» обществ. Эти противоречивые силы проникают во все сферы жизни, и попытка доминирования одной из них неизбежно встречает сопротивление другой. На этапе зрелости этот баланс между рационалистическим и традиционалистским началами стабилизируется: количественный рост переходит в качество, а высокий темп — в устойчивое процветание. Это «золотой век», открывающий простор для науки, творчества и формирования подлинной аристократии духа.

Однако рано или поздно наступает момент, требующий осознанного вмешательства человека, так как естественные механизмы саморегуляции начинают давать сбой. Творческая инициатива и самостоятельность людей сужаются. Это в равной степени касается и экономики: история знает множество примеров, когда торговцы — самая динамичная часть общества — по воле властелина превращались в безропотных исполнителей. Вслед за ними как самостоятельные социальные слои исчезают ученые, земледельцы и творцы. Попытка собрать все составляющие цивилизации в «единый кулак» разрушает её структуру. Именно так многогранная цивилизация превращается в монолитный организм, попадая в категорию смертных существ.

В этой фазе процессы естественного отбора и формирования новых социальных популяций нарушаются, а деятельность «нейтральных элементов» жестко ограничивается. Такие институты, как государство, религия, идеология, право и мораль, в определенном смысле начинают разрушать гармонию сосуществования человека, природы и космоса. Являясь основными признаками перезрелой цивилизации, они одновременно выступают факторами её саморазрушения как общественного явления. Это означает, что в фундамент цивилизации изначально заложены силы, неизбежно ведущие к её финалу — распаду и уничтожению. В исторической перспективе гибель цивилизации — это лишь вопрос времени.

Исходя из того, что основу цивилизации составляют элементы локальных и «вольных» обществ, можно предположить: быстрее гибнут те системы, в которых доминируют силы, унаследованные от локального типа. Напротив, дольше живет более «эфемерная», свободно устроенная цивилизация, чей конец больше напоминает деление на новые жизнеспособные части. Так, Шумерская цивилизация распалась на Вавилонское, Халдейское, Аккадское и Ассирийское царства, что в общечеловеческом масштабе выглядит не как смерть, а как эволюция и популяционный скачок на более высокий уровень.

Иной тип цивилизации со временем превращается в монолитное сообщество, где побеждает инстинкт самосохранения социального организма. Через жесткие военно-политические усилия она может долго сохранять внешнюю форму, но её «полумертвое тело» будет неуклонно дряхлеть. Такая агонизирующая система способна нанести огромный вред остальному миру, являясь уже не цивилизацией в истинном смысле, а постцивилизационной тиранией, которую невозможно вылечить или обновить. Константин и Феодосий пытались спасти остатки римского духа, выведя их на новое поле, но, облекшись в религиозные одежды, они немедленно столкнулись с враждебным окружением. Это вынудило их запустить идейно-политическую махину — силу, разрушающую саму основу цивилизованности. В итоге Римская цивилизация не дала ростка на новой почве, оставив после себя лишь тень былого величия.

Это означает, что хотя периоды расцвета цивилизаций соответствуют общему определению, в фазе упадка некоторые из них деформируются настолько, что требуют особых критериев оценки. Появляющиеся признаки начинают прямо противоречить принципам цивилизации. Прежде всего, это подавление любой активности: свободное движение объявляется угрозой стабильности, а в традиционных доктринах подводится под категории «зла» или «дьявола». Именно в период постцивилизационной обскурации (термин Л. Гумилева) социальные неудачи чаще всего списывают на происки тёмных сил.

Устанавливается тотальное неприятие новшеств и радикальных мыслей; инакомыслие трактуется как покушение на всеобщее благо. Люди добровольно отказываются от воли, ими овладевает страх — не только перед Богом или властью, но и друг перед другом. Происходит харизматизация власти на фоне повальной мистификации сознания. Боязнь «согрешить» порождает массовое двуличие: атмосфера принуждения вступает в конфликт со свободоловливой природой человека. В тени благопристойной жизни процветают разврат и праздность; эти переходы из крайности в крайность делают людей беспринципными и легко манипулируемыми.

Подобный распад морали — прямой результат разрастания властных структур и методов принуждения. Цивилизацию губит власть — будь то традиционная или рациональная. Обе они действуют из «благих намерений», стремясь укрепить целостность системы, но в итоге уничтожают саму её основу

Унитарные вертикали власти — будь то традиционные (религиозные, харизматические) или рациональные (тиранические, деспотические) — неизбежно подавляют творческий потенциал личности. Это ведет к скованности и торжеству функционализма («стадности») во всех сферах жизни. Общество сходит с пути поступательного развития, и его крах становится лишь вопросом времени, хотя отдельные, наиболее самостоятельные его части могут продолжить эволюцию в иных формах.

Гибель цивилизации часто наступает вследствие победы традиционалистских сил, когда власть сливается с ними ради консервации существующего порядка. Наступает фаза пассивного приспособления, в которой угасает любое прагматическое и рациональное видение мира. Эти процессы в корне противоречат духу цивилизации, который можно выразить девизом: «больше движений — больше жизни». В противовес ему, постцивилизационная обскурация провозглашает: «меньше движений — больше покоя». Принимая во внимание территориальную и культурную общность этих фаз, их можно было бы назвать «культурно-историческими типами», по аналогии с теорией Н. Данилевского. Однако это будет лишь внешняя характеристика, не отражающая внутренней динамики и энергетического угасания системы.

Таким образом, в исторической перспективе любое общество может находиться в одном из следующих состояний: локальном или «вольном» (оба могут быть начальными или межцивилизационными), в состоянии предцивилизационной раздробленности, собственно цивилизации (проходя стадии зарождения, развития, зрелости и статичности), либо в фазе постцивилизационной обскурации.

Степень полноценности цивилизации варьируется не только во времени, но и в пространстве, где решающим фактором выступает уровень её изоляции от остального мира. Это означает, что выявить универсальные закономерности в «чистом виде» в исторических примерах непросто, однако они существуют. Для их обнаружения необходимо оценивать степень «цивилизационности» каждой системы в отдельности. Подобный критерий должен лечь в основу новой классификации всех существовавших в истории обществ.

Оставляя эту масштабную задачу будущим исследователям, приведем лишь некоторые ключевые примеры, подтверждающие наши теоретические выводы

Месопотамская цивилизация возникла на фундаменте шумерского локального общества в результате активизации рационалистических устремлений, позволивших шумерской культуре «выйти из себя». Распространение её влияния на соседние области и вовлечение новых народов придали процессу масштабный характер. Согласно законам развития цивилизации, начался период постепенного расщепления первоначальной шумерской общности, на базе которой сформировалось новое социально-политическое устройство. В нем растворились прежние узкие традиции, уступив место аналитическому уму и поиску индивидуального «я».

Новая реальность позволила людям обретать собственный мир: думать и действовать по своему усмотрению. И хотя не каждый был готов к такой свободе, проявилось множество лидеров и организаторов. Возможность независимого мышления дала толчок литературе, науке и искусству. Однако эта же свобода позволила «сильным мира сего» захватывать власть, устанавливая вертикальные структуры и единые нормы права. Попытки объединить разнородные массы привели к идее верховного божества, что породило бесконечные войны за религиозное первенство.

В условиях того времени наиболее эффективным способом сохранения целостности стала военная диктатура. Тем не менее, пространственные условия не позволяли ей окончательно срастись с общественной структурой. Несмотря на эпизоды усиления власти, сужавшие

частную инициативу, частая смена политических сил и высокий темп циркуляции «свободных частиц» в открытом пространстве региона позволяли Месопотамской цивилизации сохранять свойство постоянной возбудимости и динамики.

Наиболее благоприятными периодами для плодотворного развития Месопотамской цивилизации на протяжении её трёхтысячелетней истории неизменно оказывались промежутки времени между распадом очередной общественной системы и установлением следующей централизованной диктатуры.

Изначально шумерская цивилизация не была полностью поглощена религиозным догматизмом; наряду с почитанием божеств в ней развивалось рациональное представление о мире. Воцарился дух соревновательности, подпитываемый независимостью городов-государств, поощрением личной инициативы и отсутствием глубинного сакрального закрепощения культуры. Именно здесь люди впервые осознали беспредельность своих возможностей.

Происходящие в Шумере процессы напоминают расщепление молекул на противоположно заряженные электроны, столкновение которых вызывает ионизацию атмосферы и зажигает в ней энергию жизни. Молекулярная физика постулирует: чем больше число степеней свободы молекул в среде, тем выше её теплоемкость и восприимчивость к энергии движения, вращения и колебания ядер. Подобно этому, Шумер — как первая цивилизация на Земле — освободил людей от сковывающих первобытных табу, создав условия для принципиально новых реалий и предоставив возможность свободного волеизъявления. Она послужила тем первоначальным толчком, который запустил движение множества других народов и культур.

Примечательно, что Шумерская цивилизация — одна из немногих в истории, которая погибла не от внутреннего «перегрева» или обскурации (застоя), а вследствие распада на многочисленные самостоятельные общества различного типа. Именно поэтому её влияние на последующие эпохи оказалось столь значительным: она не превратилась в мертвый монолит, а передала свой жизненный импульс наследникам в максимально активной форме.

Древнеегипетское локальное общество сохраняло свою первоначальную замкнутую форму вплоть до объединения Верхнего и Нижнего Египта в начале III тыс. до н.э. Однако из-за географической изолированности переход к истинно цивилизационным порядкам происходил крайне медленно. Лишь в последние столетия III тыс. намечилось некоторое освобождение человека от абсолютного ига власти; люди начали чувствовать вкус раскрепощения. Последующее восстановление единства государства происходило уже с соблюдением «правил ограниченного произвола», что дало краткосрочный импульс расцвету культуры и науки.

На протяжении тысячелетий в Египте чередовались периоды ослабления контроля и деспотического укрепления власти. При этом, в отличие от Китая, египетская социокультурная общность не была сакрально-монолитной. Людьюми двигала не столько внутренняя традиция, сколько внешнее обязательство и прямой диктат власти. Человек ежедневно отдавал долг системе изнурительным трудом и коленопреклонением перед чиновником.

Египетская цивилизация была сугубо придворной и бюрократической. Величие пирамид и храмов не имело связи с народными традициями или жизнью простых людей; напротив, памятники вызывали у современников отвращение своей отчужденностью. Свободный дух и воля народа словно окаменели в этих гигантских исполинах. Поколения сменяли друг друга, так и не познав радости жизни, принеся свое человеческое достоинство в жертву холодному камню.

Показательны в этом контексте слова Хори, героя романа А. Кристи «Смерть приходит в конце», на которые я обратил внимание уже после формулирования своих выводов:

«Странные люди мы, египтяне. Мы любим жизнь и потому очень рано начинаем готовиться к смерти. Вот куда идет богатство Египта — в пирамиды, в усыпальницы... Мы боимся представить себе, что будет с нами после смерти. Вот и воздвигаем пирамиды, укрываясь в них от будущего».

Эти слова, приписываемые автору XX века до н.э., звучат предельно правдоподобно. Однако в эпоху Аменхотепа III и его сына Эхнатона (XIV в. до н.э.) Египет предпринял попытку трансформации. Установление монотеизма ознаменовало усиление цивилизационных элементов: сакральные цари-боги начали «очеловечиваться», а деспотичный произвол жречества был временно ограничен. Доля участия представителей народа в государственных делах возросла; впервые столкнувшись с реальностью дворцовой жизни, люди были глубоко потрясены царившими там порядками.

В эпоху Эхнатона искусство и творчество начинают отходить от жестких канонов: появляются новые стили, реалистические образы и формы выражения личного мироощущения. Чтобы закрепить новый порядок и олицетворить свое отношение к богам и жизни, Эхнатон переносит столицу на новое место. Его восстание против застывших порядков было настолько радикальным, что после его смерти его имя предали забвению, клеймя «знаком Дьявола».

В общей сложности Египет более двух тысяч лет находился в стадии постцивилизационной обскурации. За исключением каменных символов власти, он дал человечеству сравнительно мало. Письменность, созданная на заре цивилизации, не развивалась, а законсервировалась: многие копировали знаки, уже не понимая их глубинного смысла. Это верный признак духовного опустошения и уничтожения личности. Как следствие, Египет стал легкой добычей для завоевателей — греков, римлян, арабов и тюрков, а сами египтяне как творческий субъект истории фактически исчезли с её арены.

Период окончательного сложения локального общества в Китае относится к эпохам династий Ся и Шан (III–II тыс. до н.э.), когда после длительных клановых столкновений сформировалась единая социально-культурная система. Это объединение надолго аккумулировало духовную энергию этноса, заложив фундамент общих ценностей и традиций. Особенности этого локального субстрата определили и характер китайской цивилизации: ранняя письменность, культ ученых авторитетов и географическая изоляция (пустыня Гоби, горы) удерживали развитие в строгих традиционных рамках.

Периоды раскрепощения, возникавшие при ослаблении центральной власти и распаде страны на самостоятельные царства, неизменно сменялись фазами жесткой имперской реставрации. Однако многочисленные смены династий не могли поколебать монолит традиции. Цивилизационные элементы — духовные, философские и научные сдвиги — ярче всего проявлялись именно в эпохи межцарствий. Природные условия Китая позволяли сохраняться на периферии автономным локальным очагам; именно они в моменты загнивания центральной бюрократии становились источниками новых цивилизационных тенденций, приводивших к очередному возрождению централизованного царства.

Китай являет собой редкий исторический пример, когда локальное общество неоднократно одерживало верх над цивилизационными процессами. Как только одна цивилизация загнивала и распадалась, спустя время из новой локальной среды зарождалась следующая — иная по духу, культуре и системе ценностей. Таким образом, Китай — это не единая монолитная структура, а последовательность сменявших друг друга цивилизаций.

Издавна китайский тип может казаться единым локальным обществом, но изнутри он полон контрастов. Даже в фундаменте его духовной жизни заложено противостояние: конфуцианство учит законам жизни в локальном социуме, тогда как даосизм сосредоточен на духовном становлении человека в масштабах мироздания. Конфуцианство становилось господствующим именно в периоды триумфа централизованной власти; человеку же, освобожденному от пут ритуала и бремени традиции, оно было не нужно. Явные признаки цивилизационной динамики усилились в Китае с проникновением буддизма, проповедовавшего внесоциальный путь. Однако неизменная ностальгия китайцев по временам «великого единения» всегда выступала мощным фактором, сдерживающим прогресс.

Вплоть до 70-х годов XIX века Япония оставалась классическим локальным обществом. Несмотря на то, что японская культура черпала истоки в Китае и других регионах Дальнего Востока, в местном восприятии все заимствования адаптировались как глубоко оригинальные и неповторимые. Скрупулезное следование ритуалам, одухотворение канонических образов и территориальная изоляция способствовали консервации традиционного уклада на столетия. В этих условиях нереализованные социальные возможности человека компенсировались его внутренним духовным и физическим совершенствованием — тенденция, достигшая пика в XVII–XIX веках с утверждением неоконфуцианства как официальной идеологии.

Японская действительность — это уникальный пример того, как цивилизационные элементы, соединившись с монолитным духом локального общества, спровоцировали мощнейший творческий взрыв. Этот импульс воплотился в Реставрации Мэйдзи и последующих радикальных сдвигах в экономике и социальной сфере. Тем не менее Япония не является единственным исключением: например, остров Крит, процветавший в III–II тысячелетиях до н.э., по своим цивилизационным характеристикам во многом напоминал современную Японию.

Индийская цивилизация родилась из среды Хараппского локального общества во II тысячелетии до н.э.

Важнейшим генерирующим механизмом индийского менталитета и самобытности являлись касты, образовавшиеся еще в древности. Касты видимо создавались в противовес цивилизационным процессам. Ранговая система касты не мешала сосредоточению в них особых социокультурных моделей.

Если в Китае локальный и цивилизационный типы общества хронологически и территориально чередовались между собой, то в индийском обществе мы видим и параллельную модель их сосуществования. Это придало индийской цивилизации определенную устойчивость и преемственность цивилизационных факторов: разнообразия культуры, философских учений, сосуществования различных мировоззрений и ценностей.

Буддизм в Индии возник как ответ на стремление людей внести порядок в мир хаоса и разрозненности, где господствовали произвол силы и взаимное презрение. Это была эпоха глубокой деградации арийской цивилизации. Именно тогда Будда привнес дух общинности. «Пришла пора забросить в сознание разобщенных людей зерна общинного сотрудничества», — проповедовал он. Однако вместо всеобщего единения возникли периферийные общины — касты, объединившие «свободных граждан цивилизации» лишь по частям. Именно это сохранило видимую извне целостность и преемственность индийского общества. В условиях арийской цивилизации уровень самосовершенствования отдельных личностей достиг своего пика. Это позволило Гаутаме Будде провозгласить человека владыкой миров и назвать его существом безграничных возможностей.

Античной греческой цивилизации предшествовало разрозненное существование самостоятельных соперничающих царств. Это создало идеальные условия для реализации человеческого потенциала: свободный поиск путей совершенствования жизни открыл новые вершины, на базе которых сформировалось общество с развитой демократией, духовным ростом и достижениями в науках, искусстве и философии. Общественное устройство Греции времен Солона отличалось высокой эффективностью, так как оно не ограничивало индивидуальную свободу личности. Каждый мог проявить себя в спорте, риторике или творчестве, завоевав признание личными заслугами, а не сословной принадлежностью. Свободная торговля, отсутствие препятствий для передвижения, рост полисов и, главное, отсутствие догматической религии способствовали торжеству рационализма. Именно в атмосфере ионийского рационализма были заложены основы многих современных наук. И хотя в IV в. до н.э. этот дух несколько пошатнулся под давлением имперских амбиций, эпоха эллинизма дала ему новую жизнь. В результате столкновения греческого научного подхода с восточным традиционализ-

мом произошел мощный всплеск цивилизационных процессов, распространивший энергию античности на всё известное пространство ойкумены

10. Мировая цивилизация.

Если первобытные люди в борьбе за существование были предоставлены сами себе и их индивидуальные действия практически не ограничивались, то последующая реальность заставляла их подчиниться жестким правилам родовой и клановой общины (системе табу). На пути от этих первичных общин до современной мировой цивилизации человечество испытало бесчисленное множество форм существования, однако все они имеют общие исходные особенности.

С самого начала формирования человеческих сообществ прослеживаются две основные линии — две формы объединения людей. Первая основана на табу и власти сакрального вождя — своего рода «учителя», который предписывал ограничения и добивался их соблюдения с помощью страха и силы. Вторая линия формировалась на основе согласованных действий, учета воли большинства и выдвижения предводителей «по заслугам» — благодаря их личной отваге и лидерским качествам. Так закладывались традиционалистское и рационалистское начала развития общества, борьба и взаимодействие которых определили весь ход мировой истории.

В обоих случаях развитие событий определялось балансом внутренних и внешних обстоятельств, прежде всего — силой инстинкта самосохранения на общественном уровне. При благоприятных внешних условиях и возникновении внутреннего плюрализма рационалистическое начало крепло, стимулируя цивилизационные процессы. На протяжении последних тысячелетий можно наблюдать неуклонный рост доли рационализма в общественной жизни. Вспыхивая в разных точках планеты, развиваясь или временно затухая, это начало служило истинным двигателем истории. Зарождаясь в недрах «вольного» общества, рационализм пробивал себе дорогу сквозь сопротивление деспотической, религиозной и традиционной власти, что означало расширение участия реального человека — а не мистических сил или харизматических вождей — в управлении собственной судьбой.

Одной из ключевых причин этого процесса стало ослабление воинственного противостояния между народами. Снижение внешней угрозы вело к ослаблению инстинкта самосохранения на общественно-политическом и идеологическом уровнях, вследствие чего рассеивалась и тотальная власть над личностью. Именно это обстоятельство, впервые ярко проявившееся в Европе, позволило Петрарке говорить о великом перевороте в мироустройстве — возвышении Человека. Дальнейшая дивергенция путей развития привела к формированию понятий «Запад» и «Восток» как символов рационализма и традиционализма соответственно.

Отныне Запад начал жить по законам, принципиально отличным от тех, на которых прежде строились общества и цивилизации. Однако обстоятельства изменились и в других частях света. В рамках традиционных толкований цивилизации как замкнутого историко-культурного типа стало невозможно дать определение многим современным социально-политическим образованиям. Мы видим, как «восточные» народы перенимают европейский образ жизни и мышления, что знаменует начало глобального слияния прежде разделенного человечества. Это означает, что если продолжать считать специфическую культурную традицию единственной основой цивилизации, то все наши рассуждения о ней превратятся лишь в «археологию» истории. Напротив, реальные цивилизации могут возникать и в современную эпоху; они не являются достоянием лишь тысячелетней давности, а представляют собой живой процесс рационализации социального пространства.

Если тысячелетия назад цивилизация вырастала исключительно из локальной среды социально-культурных общностей, то сегодня культурообразующим фактором становятся идеи, рационально спланирующие народы. Понятие «национальность» окончательно уступает место понятию «нация», основанному на гражданском выборе. Развитие книгопечатания, массовой прессы, телевидения и интернета позволило людям обретать общность в практических,

мировоззренческих и политических сферах. Современные СМИ превратились в мощнейший фактор влияния, способный создавать универсальные ценности.

Вместо архаичных табу регламентация поведения теперь осуществляется через право и законность. Чувство нерушимости личных прав в сочетании с осознанием гражданского долга уравнивает положение людей перед лицом судьбы. Современное общество пронизано множеством форм горизонтальных связей — от общественных движений до негосударственных организаций, которые направляют энергию людей в единое русло. Для того чтобы сплотиться вокруг идеи сохранения окружающей среды, человеку более не требуется принадлежность к определенному этносу или религии. Если в прошлом людей связывала данность крови и традиции, то теперь их объединяют общие интересы и принадлежность к глобальным движениям. Глобализация неизбежно ослабляет прежние, замкнутые формы общности, открывая путь к новому типу человеческой интеграции.

В современных цивилизациях, с уходом в прошлое доминирующей роли традиции и освобождением человека от национально-религиозных ограничений, главным фактором роста общественного блага становится естественное стремление личности к самореализации — мощный выброс внутренней энергии вовне. Это не просто механизм развития общества, но и фундаментальная идея, объединяющая миллионы. Если прежде базовыми социальными единицами — «микромирами» — выступали этнокультурные общности, то сегодня каждый человек при желании может стать самостоятельным локальным источником идей и взглядов.

Чувство собственного достоинства и массовое культивирование индивидуальной свободы стали для таких стран, как США, тем же скрепляющим фундаментом, которым в древности служили религия и этническая общность. Впрочем, подобные идеи — пусть и с религиозно-этническим оттенком — не новы для истории: афинская демократия, римское право и плюрализм «вольных» обществ прошлого служат тому ярким подтверждением. Современность лишь очистила этот рациональный импульс от архаичных примесей, превратив его в глобальный стандарт.

Существует глубокое внутреннее родство между современными демократиями и историческими «вольными» обществами Азии и Турана. Основным цивилизациеобразующим элементом в них является не только реализация, но и трансляция ценностей индивидуализма и личной свободы. И хотя в древних «вольных» союзах демократия не была оформлена как политическая доктрина или гражданское право, она служила мощным катализатором развития соседних регионов. Это доказывает универсальность рационального устройства мира, способного объединить человечество. Современные информационные технологии ускоряют стирание культурных границ, выявляя неразрывную связь между научно-техническим прогрессом и демократической структурой власти. Глобализация делает мир прозрачным, что фатально подрывает основы деспотических и административно-командных режимов. Их ожесточенное сопротивление — в форме терроризма, фундаментализма или антиглобализма — есть лишь реакция на неизбежность интеграции. Сегодня межнациональное политическое сближение воспринимается как безальтернативный путь; любые препятствия этому движению обречены оставаться лишь источниками локальных конфликтов, неспособных изменить общий вектор истории. Так в последние десятилетия окончательно сформировались контуры единой Мировой цивилизации.

Из чего складываются цивилизационные критерии современного единого человечества? Прежде всего — это **выход человеческой личности на первый план**. Возможности индивида возрастают как никогда ранее; освобождение от оков деспотической власти, идеологических догм и административных стеснений становится главным знаменем эпохи. Это радикально меняет структуру общества: оно превращается в сложную сеть горизонтальных связей между свободными индивидами, чье поведение напоминает движение свободных частиц в физиче-

ских телах. При этом их действия упорядочены социальными законами, возведенными самими же людьми в ранг незыблемых правовых норм.

Это мир глобальной согласованности: сегодня ни один законодательный орган не может принимать решения без учета общечеловеческих норм и международных обязательств. Функция государства трансформируется: правительства будут управлять не людьми, а финансовыми и природными ресурсами, занимаясь созданием инфраструктуры и благоприятного климата — от экологии до популяризации знаний. Основными инструментами власти становятся не методы принуждения, а финансово-экономические и правовые рычаги регулирования: налоговая система, бюджет, протекционистская политика и внешнеполитическая стратегия. В этой новой реальности администрирование уступает место координации усилий свободных и творческих личностей.

Трансформация функций правительства в сторону координационной и рекомендательной деятельности создает условия, при которых человек получает возможность для полной реализации своего внутреннего «Я». Он обретает право и реальные возможности для удовлетворения своих интересов и потребностей, а именно:

- на потребление экологически чистых продуктов;
- на свободное выражение мнений и убеждений;
- на свободное предпринимательство и равное участие в рыночной конкуренции;
- на неприкосновенность частной собственности;
- на защиту своих интересов государством и общественными институтами;
- на отстаивание своих прав в независимом суде;
- на участие в выборах любого уровня;
- на реализацию своего таланта и потенциала в любой законной сфере деятельности;
- на свободный доступ к мировым источникам информации и знаний (интернет, архивы, библиотеки);
- на полное распоряжение результатами своего труда;
- на свободу совести и вероисповедания;
- на беспрепятственное общение с людьми любой национальности, веры и географии;
- на создание благоприятной природной и социальной среды обитания;
- на любовь и гармонию в личной жизни;
- на формирование и выражение собственного имиджа;
- на участие в деятельности негосударственных и общественных организаций;
- на развитие эстетических чувств и познавательных способностей.

Эти права превращают человека из объекта управления в полноправного субъекта исторического процесса

Эти основополагающие признаки цивилизованности современного общества не могли быть в полной мере реализованы в прошлые исторические эпохи. Дело здесь не только в отсутствии необходимых научно-технических или политических условий — принципиально иными были сама цель и смысл человеческого существования. В прошлом основные силы личности и социума уходили на сохранение целостности национальной культуры, поддержание религиозности, защиту этических норм и политической самостоятельности, а также на борьбу с болезнями и голодом. На протяжении столетий критерии оценки жизни радикально трансформировались: так, если прежде вольнодумство воспринималось едва ли не как порок, то сегодня оно превратилось в главную общечеловеческую ценность. Словом, современную мировую цивилизацию невозможно оценивать теми же мерками, которые были свойственны историческим цивилизациям прошлого; мы имеем дело с качественно иным состоянием человечества.

С принципами современной мировой цивилизации органически несовместимы рутинный труд, лишения, деспотическая власть, несправедливые законы и обобществленная собственность — всё то, что ограничивает человеческую волю. Однако у значительной части

человечества эти факторы продолжают существовать в силу ряда социально-психологических, экономических и политических причин:

- низкий уровень грамотности и незнание элементарных законов развития природы и общества;
- традиционная приверженность системам власти типа восточного деспотизма и восприятие их населением как должного при неумении отстаивать свои права; бюрократия и коррупция здесь блокируют путь к прогрессу;
- голод, разруха, безработица, межнациональные и межплеменные конфликты;
- неблагоприятная экология и нехватка ресурсов;
- религиозный фундаментализм и нетерпимость к инакомыслию;
- отсутствие механизмов внедрения новейших технологий, из-за чего рутинный труд ведет к духовному истощению человека и нерентабельности экономики;
- отсутствие рыночной конкуренции и доминирование обобществленной собственности, лишаящее индивида стимулов к самореализации;
- дефицит гласности и политического плюрализма, затрудняющий адекватную ориентацию в мире;
- засилье односторонней пропаганды и популизма, заставляющее человека действовать вопреки реальности.

Все эти факторы — не просто проблемы отдельных стран, а системные барьеры на пути к формированию единой рациональной цивилизации.

Правительства ряда стран, стремясь законсервировать национальную специфику, пытаются отгородиться от внешнего мира административными и запретительными мерами. Однако такая политика ведет лишь к фатальному отставанию от мировых темпов развития, открывая путь к правовому нигилизму и религиозным догмам. Несмотря на барьеры, часть населения неизбежно находит доступ к «запретным плодам», что делает нелегальную эмиграцию одной из острейших проблем таких государств. Главное же последствие изоляции — глубокая стагнация и последующая деградация экономической и культурной жизни.

Основные тенденции современной мировой цивилизации необратимы. Процессы информатизации, технологический бум, демократическая интеграция и рыночные механизмы будут расширяться вопреки воле любых ревнителей архаичных ценностей. Безусловно, это идет вразрез с интересами традиционных обществ и административно-бюрократических систем, которые постепенно лишаются возможности управлять послушной массой. Но в конечном счете в этом историческом споре выигрывает Человек: именно на него отныне возлагается вся полнота ответственности за будущее

II. Человеческое развитие: социальная иммунология и суверенитет личности.

На протяжении своей долгой истории человек прошел через множество этапов *прогресса: биологический, умственный, духовный, культурный и научно-технический*. Каждый из них возникал как ответ на вызовы природы и социально-экономической среды, способствуя восхождению человечества по сложным, «волнистым» ступеням истории к совершенству. Головокружительные достижения науки и техники последних столетий открыли перед нами немыслимые ранее возможности. Мы не только обеспечили материальный комфорт и научились побеждать болезни, но и раскрыли глубокие закономерности развития Вселенной. Современный информационный мир предоставил человеку беспрецедентный дар — беспрепятственный доступ к совокупному знанию человечества и возможность мгновенного глобального общения. Недалек тот день, когда квантовая электроника, робототехника и наноиндустрия полностью возьмут на себя трудоемкие производственные процессы. Это высвобождает чело-

веку время для главного — удовлетворения высших личных потребностей и самореализации. Именно в этом сегодня видится подлинная стратегическая цель программ развития наиболее прогрессивных государств и это открывает путь к следующему этапу развития человечество — *социальному прогрессу*.

В то же время, достигнув небывалых высот, человечество не избавилось от бремени глобальных проблем, зачастую порожденных им самим. Помимо извечных спутников истории — войн, природных катаклизмов и голода, — современный мир столкнулся с новыми угрозами: терроризмом, наркоманией, духовной апатией молодежи, культурной посредственностью и экологическим кризисом. Потребительский дух и увлеченность легкой наживой создают атмосферу моральной неустойчивости, ставя под сомнение перспективность нынешних тенденций развития. Философско-мировоззренческая критика XX века в лице О. Шпенглера, Ф. Ницше, А. Тойнби и М. Вебера неоднократно указывала на нарастающий кризис цивилизации, вызванный издержками научно-технического прогресса. В их концепциях звучали пессимистические прогнозы: казалось бы, успешно прогрессирующий мир таинственным образом скрывает в себе деструктивные, «гниющие» субстанциональные элементы.

Нетрудно заметить, что за всеми глобальными угрозами стоят конкретные люди. Именно их беспечность, непредусмотрительность или глубокая бессознательность, принимая системный характер, превращают каждый частный изъян в катастрофу мирового масштаба. Что же стало с личностью, разорвавшей живую связь с бытием и самой собой, оказавшейся в плену сиюминутных интересов?

Возникает множество вопросов: почему люди так легко отдают свою волю в чужие руки? Почему вместо того, чтобы стать центром своего мира, они превращаются в безликую массу, послушную воле любого сумасброда? Любые сомнительные учения мгновенно кристаллизуются в их головах в виде жестких догм. Куда исчезли творческий поиск, вера в собственный разум и талант? Где великий дух любви и взаимовыручки, и откуда берется это леденящее равнодушие? Видит ли человек, в конце концов, свое истинное назначение, цель и смысл своего существования — и в чем они на самом деле заключаются?

На протяжении всей истории человечество искало ответы на эти фундаментальные вопросы — и во многом находило их. Но по какой-то причине эти знания постоянно ускользают и теряются. Возможно, каждое поколение и каждая эпоха должны открывать их заново? Но почему мы говорим о поколениях? Не должен ли каждый отдельный человек самостоятельно открывать и рождать эти истины внутри себя? Время от времени человечество обретало великие откровения, в центре которых неизменно стояла проблема духовного перевоплощения как единственный фактор спасения. Многие из этих истин стали эпохальными, закрепившись в культуре, возможно, лишь в силу традиции. Однако без личного проживания и внутреннего поиска они рискуют остаться лишь мертвым грузом прошлого.

История знает великие примеры таких прорывов. Гаутама Будда принес человечеству учение о неразрывной связи Человека и Космоса, представив миру образ мыслящего субъекта. «Истина — это свобода», — учил он, впервые поставив человека в центр мироздания. Будда призывал не принимать ничего на слепую веру, а становиться исследователем, стремясь к кристальной чистоте ума и сердца. Конфуций подарил миру эпохальное учение о самосовершенствовании личности, утверждая, что каждый должен обрести внутреннюю гармонию между духом и природой (хотя позже его идеи и были узурпированы имперской бюрократией в своих интересах). Эпикур же указал путь спасения от безысходности через обретение власти над собственной душой, преодоление суеты, скуки и тревоги. Для него подлинное счастье заключалось в отсутствии страданий и в умении властвовать над своими инстинктами, а не слепо удовлетворять их.

Именно учение о Человеке и его душе лежит в основе всех значительных преобразований в истории — как в глубинах сознания, так и в социальной жизни в целом.

История подтверждает: великие эпохи начинались с пробуждения человеческого начала. Так, китайский Ренессанс VIII века был вдохновлен мудрецом Хань Юем, проповедовавшим идеалы гуманизма — тех качеств человеческой природы, которые не зависят от сверхъестественных сил, а развивают заложенные в нас «человеколюбие» и «должное». Для понятия «гуманизм» он использовал слово *жень*, вкладывая в него смысл всеобъемлющей любви ко всем.

Подобным образом и Европа обязана своим избавлением от «средневековой тьмы» конкретным личностям — Р. Бэкону, А. Данте, Ф. Петрарке. Именно они впервые обратились к вопросам деятельности души, воспев любовь как священное чувство, обновляющее человека и дарующее мудрость. Их последователи К. Салютати и Л. Бруни ввели в широкий оборот термин *humanitas*, который и определил суть эпохи Возрождения. Гуманизм стал квинтэссенцией ренессансной мысли, её главной жизненной философией.

В ту эпоху пришло осознание величайшей истины: человек способен творить самого себя, облагораживать собственную природу и тем самым самостоятельно определять свое место в мире. Творя себя, человек обновляет и сам мир, делая его «достойным своего человеческого достоинства». Это был период освобождения разума от сковывавших его догм. «Центр мирового устройства сместился в направлении человека, баланс сил нарушился в пользу личности», — провозгласил Петрарка. Это утверждение стало манифестом новой эры, в которой личность перестала быть пассивным элементом мироздания и стала его активным творцом.

Однако эти гуманистические основы спустя триста лет дали трещину под натиском примитивного капиталистического меркантилизма и промышленного технократизма. Жажда накопления и ослепительные перспективы эры техники, сулившие сытую и легкую жизнь, затмили собой тихое благородство душевной созерцательности. В тот период идеи гуманизма не смогли укорениться в сознании широких масс: почва была слишком хрупкой, а нужда — слишком великой. В таких условиях людям была ближе религиозная покорность и подчинение чужой воле, нежели позитивная одухотворенность и индивидуальная рациональность.

В итоге человек, едва освободившийся от оков традиций, деспотии и догм, вновь оказался в рабстве — на сей раз у «Его величества Капитала». Если буддийское, античное и номадское «освобождение» в свое время было подавлено имперскими амбициями, то в эпоху после Возрождения человек парадоксальным образом оказался в плену собственного разума.

Что же теперь? Сложившаяся ситуация требует кардинальной смены миропонимания и переориентации ценностей. Мы должны научиться видеть не только внешние проявления прогресса, но и глубокий внутренний пласт возможностей, заложенных в человеке самой природой. Иными словами, нам необходимо вновь обратить взор на самого Человека, полагаясь на его духовное и творческое начало. Современная тенденция гуманизации и социализации общественных структур дает нам еще один шанс — возможно, последний. Воспользуемся ли мы им? Чтобы оценить эту возможность, необходимо взглянуть в самый корень вопроса и рассмотреть — пусть даже в гипотетическом плане — подлинную сущность человека и общества.

Человек рожден быть вольным. Именно воля сделала его тем, кто он есть; сама его природа противится любому ограничению свободы и возможностей. По праву рождения человек должен сам распоряжаться своей судьбой, выбирать свой путь, призвание, место и способ существования. Он призван устраивать жизнь по зову собственного сердца. Так было до тех пор, пока человек жил в подлинном ладу с природой, и это состояние полной внутренней гармонии и независимости было для него единственно естественным.

Однако общество неизбежно вносило коррективы в волеизъявление индивида. Будучи социальным существом, человек вынужден мириться с требованиями коллектива; соблюдение общественных интересов наряду с личными становится частью смысла его бытия. Это не противоречит человеческой природе, ведь само общество соткано из таких же людей, в нем нераз-

рывно сплетены человеческое и социальное. Это объективное явление не порождает хаос, так как стремление человека к гармонии транслируется и на общественные структуры.

Если биология и психика человека сформированы природой, то его сознание кристаллизуется на уровне общества. Общественное сознание, будучи плодом человеческого участия, также наследует естественные законы жизни, становясь ядром социального организма. Таким образом, общество включается в единую Гармонию Космоса как живое целое. Оно регулирует себя через индивидуальное сознание, постоянно эволюционируя и создавая свой главный «сверхпродукт» — человеческий ум. Это качественный показатель зрелости системы: от того, насколько умело общество распорядится этим ресурсом, зависит уровень его общего интеллекта. Именно на этом этапе рождается интеллигенция — слой, призванный питаться этим «сверхпродуктом» и развивать его.

Почему мы столь настойчиво говорим о свободной воле человека? Потому что именно она является главным условием формирования общества, пригодного для естественного существования. Сама природа взаимосвязи человека и социума свидетельствует: этот союз способен самостоятельно преодолевать любые проблемы, угрожающие его жизнеспособности.

Общество, как живой социальный организм, обладает собственной **иммунной системой**, работающей на защиту, самосохранение и воспроизводство смыслов. Закономерности этой защиты — предмет новой научной дисциплины, которую можно назвать **социальной иммунологией**. Подобно тому как человек поддерживает свой биологический иммунитет энергией — и материальной, и духовной, — общество время от времени запускает механизмы самоочищения. Оно находит в себе силы для устранения дисбалансов, возникающих на личном и общественном уровнях, восстанавливая утраченную гармонию.

Однако эти защитные механизмы не срабатывают, если обществом и жизнью людей манипулируют искусственные силы — авторитарная власть, жесткая администрация, догматичная религия или бездушный капитал, — навязывая развитие по заранее начерченным идеологическим схемам. Мы должны признать: любые государственные и общественные структуры, основанные на жесткой идеологии и ограничивающие волю человека, чужды самой его природе.

Все общественные отношения — в экономике, культуре, быту — должны формироваться на естественной основе. Это означает их полное «очеловечивание»: социальные явления должны инициироваться самими индивидами, исходя из их реальных потребностей. Человек сам должен нести ответственность за решение общественных и бытовых проблем ради собственного выживания и создания комфортной среды, а не ради формальных отчетов или услужения власти, начальству или духовному сану.

Переложение ответственности за социальную устойчивость с плеч государства на плечи каждого отдельного человека и есть та самая подлинная оптимизация социальных отношений. Только так можно сохранить гармонию и способность общества к воспроизводству как материальных благ, так и духовного богатства. Космос и его законы Гармонии не признают политических образований, основанных на принуждении. Для вечного движения жизни на уровне человека, природы и Вселенной любая искусственная коррекция естественного бытия есть нарушение единства целого. С всеобщими законами Космоса может сочетаться лишь свободная воля свободно рожденного человека. Разум, сознание и социальные связи должны развиваться естественно — человек, «вооруженный» идеологией, неспособен жить по законам естества.

Не должно нарушаться то естественное условие, при котором человеческая природа гармонизируется с бытием всего живого и неживого — и на Земле, и во Вселенной. Любое ограничение воли, даже подкрепленное страхом «божественной кары», неизбежно ведет к всеобщей дисгармонии. При этом всё то, чего мы тщетно пытаемся добиться от человека через принуждение или формальное обучение — этику, ценности, мировоззрение, — он способен взрастить в себе сам.

Часто спрашивают: а что, если он на это не способен? Возможно. Но не способен он не в силу своей неполноценности, а потому, что мы планомерно отбираем у него волю с самого момента рождения: сначала в тесных семейных узах, а затем — через многоуровневые социальные ограничения. Лишенный воли человек теряет связь с естественным порядком вещей, становясь неспособным к самостоятельному духовному творчеству.

Воспитание, направленное на укрощение человеческой воли, — это самое гнусное из того, что могло придумать человечество. Подлинное развитие должно происходить внутри самого человека. Попадая в информационное, духовное и социально-бытовое поле окружающего мира, человек сам соизмеряет с ним свою сущность — сначала инстинктивно, а затем осознанно. Существует огромная пропасть между действием по внутреннему убеждению и тем же действием, совершенным из послушания или под давлением. Первое ведет к личной ответственности и самоконтролю, второе же — навязанное традицией и принуждением — ведет к остановке в развитии личности и, зачастую, к глубокому цинизму.

В условиях подавленной воли человеку крайне трудно уловить смысл бытия и найти стимул к жизни. Обобществленные духовные ценности остаются для него лишь «музейными экспонатами», не имеющими отношения к его реальности. Сознание фактически предает человека, лишая его понимания сути происходящего и причинно-следственных связей окружающего мира. В результате замирает и сама мысль. Подобно игроку, не знающему правил игры и потому неспособному мыслить за шахматным столом, **человек, не понимающий логики жизни, теряет способность к рассуждению**. Утрата способности к мышлению — самая страшная участь, которая может постигнуть личность. Оказавшись в интеллектуальном вакууме, человек неизбежно уходит в мир низших инстинктов. Удовлетворение физиологических потребностей становится главным мотивом его существования, превращая его в эгоистичное, агрессивное и безрассудное существо. Именно в этом духовном упрощении кроются корни многих бед современности, включая глобальные кризисы.

Одной из главных причин этой деградации является отсутствие глубоких знаний и подавление в человеке самой жажды познания. На смену традиционному воспитанию должно прийти знание закономерностей общественных и природных явлений. Только знание, обретенное лично путем проб, ошибок, сомнений и глубоких размышлений, формирует в человеке истинную убежденность. Убежденность — это фундамент самосознания и уверенности в себе, основа объективного мировоззрения. Личность, обладающую таким стержнем, невозможно сбить с пути иллюзорными представлениями или манипуляциями.

Самоорганизующийся потенциал таких людей — их инициативность, ответственность и способность адекватно реагировать на вызовы времени — открывает безграничный простор для реализации созидательных целей. Однако это возможно лишь в условиях свободного обмена мнениями и неограниченного доступа к источникам информации. Независимость средств массовой информации, искусства и образования, деятельность которых должна регламентироваться исключительно на законодательном уровне, является обязательным условием для развития такого общества.

Важнейшим способом самолечения общества является добровольное объединение людей в общественные движения и организации. Объединяясь по интересам — для решения социальных, экологических или иных проблем, — люди запускают процесс естественной самоорганизации. Значимость таких объединений заключается не только в том, что их цели отвечают интересам большинства, но и в самом способе их достижения: они воплощаются в жизнь самими участниками. В этом процессе люди выполняют не чужие указания, а реализуют собственные стремления и желания. Это дает каждому члену общества возможность выразить свое личное отношение к жизни и ко всему, что его касается. Более того, во всех сферах — будь то труд, общественная, коммерческая или служебная деятельность — для человека должен быть открыт простор для творчества и инициативы.

Нетворческий, механический труд уничтожает личность. Человек должен иметь реальную возможность влиять на свою деятельность: в условиях коллективного труда — выдвигать предложения, открыто высказываться и быть услышанным в советах и комитетах. Это не только экономически оправдано за счет постоянного повышения эффективности, внедрения инноваций и улучшения качества продукции, но и позволяет решать глубокие социальные проблемы, возвращая человеку чувство собственного достоинства. Фундаментом такой свободной активности является частная собственность и надежные механизмы ее защиты — именно здесь творческий потенциал личности раскрывается в полной мере. В этом отношении наиболее эффективной и гибкой формой самоорганизации выступают малые и средние предприятия.

Человеку от природы свойственно стремление к соревновательности. Желание отличиться, быть замеченным, испытать радость победы — это те качества, благодаря которым развивались наш ум и талант. Лишить человека возможности реализовать их в общественно полезной деятельности — значит превратить его в безликое существо или, что опаснее, толкнуть в ряды террористических, сектантских и иных идейно-вооруженных группировок. Не найдя применения своему потенциалу в созидании, личность неизбежно ищет его в преступной сфере.

Меры по освобождению человека от оков административного произвола, идейных догм, экономического монополизма и национально-религиозного нигилизма должны стать приоритетом для законодателей. Международные организации обязаны использовать весь свой авторитет и экономические рычаги, чтобы обеспечить каждому жителю планеты возможность существования, достойного Человека, в этом уникальном мире.

2007 г.

Важно отметить: основы этой статьи были заложены еще в 90-х годах под влиянием тогдашнего интеллектуального мейнстрима. На первый взгляд может показаться, что текст является попыткой поддержки классических либеральных принципов. Однако последующее развитие общества показало, что любая теория, сколь бы идеальной она ни была, часто вступает в трагическое противоречие с реальностью. Более того, многие принципы демократии сегодня оказались дискредитированы: под их прикрытием в сознание людей активно внедряются уродливые проявления человеческих пороков и аморальные установки. Эти процессы навязываются вопреки сопротивлению основной части населения, а любое неприятие такой политики получает жесткий отпор со стороны властей. В подлинном демократическом обществе подобное подавление воли большинства недопустимо. Сегодня классические принципы демократии претерпевают глубокую деформацию, превращаясь из инструмента освобождения в инструмент нового идеологического диктата.

Гошаев Д. Человеческое существование: формы, содержание и надежды [The Human Existence: Forms, Content, and Hopes] // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy [Космос и история: журнал естественной и социальной философии]. 2026. Vol. 22, № 2. P. 142–198. URL: <https://cosmosandhistory.org/index.php/journal/issue/view/56>

(дата обращения: 02.07.2026).

ХОРЕЗМСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

*Тезисы к конференции, посвященной к 800-летию со дня рождения
Джелаледдина Менгбурны, которая проходила в Ташкенте в 1999 г. Не
опубликованы*

Мы привыкли оценивать результаты нашествий через масштаб разрушений: падение городов, сожженные селения, разрушенные общественно-политические и идеологические устои. Монгольское завоевание здесь не исключение — разлад во всех сферах жизни Хорезма очевиден. Однако, следуя логике цивилизационной теории, мы должны задаться вопросом: можно ли считать иноземное нападение первопричиной крушения Хорезмского государства? Или же военное поражение стало лишь следствием внутреннего надлома, когда цивилизация уже не могла выработать адекватный «Ответ» на внешний «Вызов»?

Нам представляется, что иноземное нападение не было первопричиной. Ослабление мощи и фактический распад Хорезмского государства к этому времени уже стали свершившимся фактом. Многочисленные свидетельства подтверждают массовое недовольство населения бесконечной завоевательной политикой хорезмшахов и их методами управления. Изнурительные войны с гуридами и каракитаями, жестокое подавление восстания в Бухаре — всё это нанесло глубокие раны народному сознанию.

В начале XIII века в самой структуре власти наступил критический предел: хорезмшах узурпировал полномочия, упраздняя ключевые государственные должности, а дворцовые интриги и коррупция парализовали управление. Конфликты между правящими кланами привели к опасной поляризации общества. Наука, культура и искусство, лишившись живительной поддержки, впали в упадок. Экономический кризис усугублялся произволом местных ставленников, превративших взимание налогов в открытый грабеж. Хорезм был готов рухнуть под собственной тяжестью — монголы лишь ускорили неизбежное.

Есть все основания полагать, что падение Хорезма было вызвано не столько внешним ударом, сколько внутренней непрочностью системы и пагубной политикой самого правителя. На этом историческом примере мы отчетливо наблюдаем трагический парадокс: процесс форсированного структурирования жесткой централизованной цивилизации неизбежно приводил к деградации социальной ткани. Это подтверждает закономерность, выявленную О. Шпенглером и А. Тойнби: цивилизация гибнет, когда превращается в бездушный «механизм». Наиболее убедительно этот процесс описан в работах современного исследователя Дж. Тейнтера: общество коллапсирует, когда сложность его управления становится непосильным бременем для его ресурсов и граждан.

В чем же заключается феномен Джелаледдина и как объяснить его стремительный выход на историческую арену?

Во-первых, Джелаледдин выступал как лидер оппозиции официальной власти, опираясь на «чистую» силу периферии. Именно регионы, недовольные диктатом центра, стали его главной опорой в войне против завоевателей. Во-вторых, он не стремился к реставрации Хорезмского государства в его прежнем, изжившем себя виде. Он действовал не как «хранитель трона», а как освободитель народа от любого гнета. Выражаясь современным языком, он предлагал программу политических и экономических свобод. Как утверждает К. Квигли, новые цивилизации часто зарождаются на периферии старых, поскольку в жестко централизованном обществе у человека не остается пространства для маневра и реализации своего потенциала. Стремление Джелаледдина — живое воплощение этой закономерности. В-третьих, его политика в отношении военачальников была значительно более либеральной, чем у отца. Он

открыл перед своими соратниками новые горизонты для достижения высокого социального и экономического статуса, что обеспечило ему преданность и невероятную энергию сопротивления.

Деятельность Джелаледдина следует рассматривать как адекватный ответ на беспрецедентный исторический вызов. Его появление и поступки — явление глубоко закономерное. Он обладал исключительной политической и социальной интуицией, умением тонко чувствовать психологический настрой общества и направлять энергию народного сопротивления в русло созидания новой общности. На основе причинно-следственного анализа процессов, происходивших в Центральной Азии на стыке первого и второго тысячелетий нашей эры, можно прийти к следующим выводам:

На основе причинно-следственного анализа процессов, происходивших в Средней Азии на стыке первого и второго тысячелетий нашей эры, можно прийти к следующим выводам:

Сила центральноазиатского духа кроется не в цивилизационных и государственных структурах, а воле народных масс. Выход Джелал ад-Дина на историческую арену необходимо рассматривать как ответ на вызов народных масс, а не как реакцию со стороны Хорезмской империи.

Хорезм, как и другие государственные образования Средней Азии периода после арабских завоеваний, оказался не способен вести масштабную экономическую, правовую и международную политику. Расцветом науки и культуры в IX–XII веках на Востоке мы обязаны скорее автономным городским и политическим объединениям, нежели властям, проводившим централизованный курс. На науку, культуру и в целом на благосостояние народов отрицательно воздействовали как иноземные вторжения, так и жестко централизованные государства. В силу этого Хорезм был обречен на геополитический провал с самого момента своего формирования в качестве империи.

При Тахиридах, Саффаридах и Саманидах в IX–X веках создавались более благоприятные условия для свободного предпринимательства, торговли, защиты населения от насилия, развития наук и просвещения, чем в таких централизованных государствах, как Хорезм или держава Тимуридов. К слову, Сельджуки и Караханиды тоже изначально не стремились к абсолютному единовластию и тотальному ужесточению порядка.

Хорезмшах Мухаммед своей политикой сам настроил против себя как военное сословие и духовенство, так и народные массы. У него отсутствовал четкий механизм государственного управления, не была выработана реалистичная стратегия как по отношению к собственному населению, так и в отношении соседних стран. Игнорирование искреннего желания Чингисхана вступить в торговые отношения с Хорезмом свидетельствует о деструктивной амбициозности действий хорезмшаха.

Развитие экономики и социальной жизни восточного общества в IX–XI веках по своему уровню приближалось к западным образцам эпохи античности и Возрождения. Последующая централизация социально-политической жизни культивировала жесткий традиционализм и надолго затормозила социальный прогресс. Догматическое распространение шариатских законов в ущерб светским институтам преградило путь к дальнейшему экономическому и социальному расцвету.

В конце XI века большинство городов Средней Азии начинает терять былую автономию и включается в структурную вертикаль централизованного государства. Это приводит к росту напряженности и конфликтам как между вертикальными институтами власти, так и внутри горизонтальных социальных группировок.

МЕТАФИЗИКА ТОЙНБИ И РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ: О РОЛИ «ДЬЯВОЛЬСКОГО» НАЧАЛА В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Конспект-статья по книге: Тойнби А. Дж. Постигжение истории: Сборник / Сост. А. П. Огурцов. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с. Написана не позже 1997 г. Комментарии курсивом — современная оценка и трактовка

Последние 6 тысячелетий истории человечества Тойнби характеризует как процесс активного перехода от состояния Инь (начало пассивное, тёмное, женское) в состояние Ян (активное, светлое, мужское). Эти начала не противоборствуют, а взаимно дополняют друг друга, непрерывно друг в друга переходят, и этот переход есть движение всего космоса (с.94). В этом процессе он видит значение вмешательства Дьявола в божественную Вселенную. Надо сказать, что нам более пригодными оказались отдельные формулировки Тойнби, чем его идеи и мысли, излагаемые при этом, которые способны запутать любые реалистичные взгляды. Точнее, за смыслом его слов очень трудно проследить логику мышления, то есть — уловить генеральный замысел автора. Он пишет, что вмешательство Дьявола вызвало переход от Инь к Ян, от статичного к динамичному, ибо Господь создал совершенство, но в силу собственного совершенства не мог передать ему своё совершенство. И Дьявол сделал это за Бога. Когда Инь перешло в Ян, Дьявол уже не в силах удержать Бога от нового акта творения — перехода от Ян к Инь на более высоком уровне. Божественное равновесие нарушается из-за сатанинской вечной неуспокоенности (с.109).

Принимая во внимание вечную борьбу ревнителей покоя, гармонии и блаженства с возбуждателями беспокойства, задаёшься вопросом: не свидетельствуют ли эти слова о том, что первоначальное действие кочевника-«дьявола» на цивилизацию не может продолжаться вечно и переходит в другое действие — возможно, более действенное? Более реалистично это можно объяснить так: институты, вызванные потребностью в борьбе против внешнего (кочевого) воздействия, не могут оставаться постоянно эффективными средствами. Сохранение их в традиционном, неизменном виде уже противоречит силам самосохранения. По линии совершенствования продолжали существовать лишь те общества, которые не останавливались на достигнутом, а искали более приемлемые — именно для того или иного момента — средства самосохранения. И здесь вычерчиваются две более крупные линии — направления развития общества. Одна из них связана с теми обществами, которые находили коллективные решения (то есть опирающиеся на поддержку большинства) в поисках пути самосохранения. Эти общества прогрессировали — во всяком случае, потенциал для творческого роста у них был высок, и люди здесь жили в более или менее благополучных условиях. Другая линия лежит в русле движения обществ, в которых ещё в ранний период их становления противоборство между силами самосохранения и внешними силами превратилось во внутреннюю борьбу: между силами, тяготеющими к прогрессивным решениям проблем, и силами, отстаивающими имеющиеся институты и привычки, якобы обеспечивавшие обществу его былое величие. Последние связывают с этими традиционными формами жизнеустройства и поведения свои приятные воспоминания. Они (поборники идеи возврата) хотели вечного счастья и пугались каждого новшества. Они думали: неужели те формы и способы ведения жизни, которые обеспечили им «золотые времена», не могут служить им в таком качестве ещё надолго? Им представлялось, что если цель одна, то и средство должно быть тоже одним. В обоих случаях борьба между противоборствующими элементами была позитивной, но плоды её в том или ином случае были разными.

В обществах, где сильны были элементы демократизма и коллективизма, направленные против общего врага, социальное благополучие обеспечивалось в больших масштабах. Здесь снизу доверху обеспечивалось равноправие, существовали равные шансы у людей различных слоёв (если эти слои имели какие-нибудь различительные признаки) стать лидером, творить, продвигаться по должности и т. д.; творческий потенциал народа использовался более эффективно и на общее благо. К примеру, можно назвать в основном самые ранние общества и часть кочевых государств — например, сюнну. В обществах другого типа, где уже успели возродиться противоположные политические течения, социальная и интеллектуальная жизнь тоже прогрессировала. Но поскольку здесь в основном шла умственная борьба, сформировалась аристократическая верхушка, представители которой стремились выставить себя напоказ, выдвигаясь через разнородные философские течения (например, конфуцианство и даосизм). Здесь уже социально-политическое и даже экономическое устройство жизни формировалось если не из естественных потребностей и эволюционным путём, то хотя бы при меньшем значении естественного хода вещей. Здесь люди сначала придумывали идеалы, а потом старались претворить их в жизнь.

Оба типа общества имели своё прогрессивное значение только на начальном этапе, до поры до времени. Идеализация того или другого неминуемо приводила к плачевным результатам. Просто люди той эпохи не умели вовремя останавливаться, учиться на ошибках других и на опыте своих предков.

В этих условиях своё главное слово сказала религия. Появляясь вначале как партия, защищающая традиции, она по своему историческому назначению должна была предостеречь людей от активных преобразующих действий. Ибо именно действие людей, основанное на рационально-творческом подходе, представляло для неё угрозу, так как такими людьми нельзя было управлять. Религия возникала из эгоцентрических устремлений и была главным противником прогресса.

В этих централизованных, внутренне идеологизированных обществах тоже шёл рост, но это был рост односторонний. Росло придворное искусство, ремесло, обслуживающее в основном высшие слои, дворцестроение; в целом процветала гигантомания и архитектурная вычурность. Здесь устраивались праздники, пиры и веселья. Первоначальный рост сознательного отношения к предпринимаемым мерам и в целом расширение способности определенной части противоборствующих сторон к умственному решению задач постепенно превратились в навыки к хитрости, прислужничеству, лицемерию и ханжеству. Словом, дворцовые интриги стали нормой. В таких обществах сознание большинства, с одной стороны, и верхушечного меньшинства — с другой, развивались в абсолютно противоположных направлениях. В среде небольшого меньшинства творческий подход был необходим людям для выживания в собственной среде, хотя не исключалась возможность его использования и в благих целях — возможно, на пользу большинства. Но всё же этот потенциал был недостаточен и не свободен от многочисленных преград: начиная от собственных убеждений его носителей и заканчивая внешними силами, препятствовавшими всему новому ещё более сильными аргументами в силу их также развитых умственных способностей. В этих государствах фактически заключались два противоположных общества с разными взглядами на жизнь и с разными законами бытового и социального уклада. Периферийные жители не участвовали в решении вопросов, касающихся их же собственной судьбы. Кроме того, в силу огромных усилий, затрачиваемых властвующими структурами и церковью для формирования у подданных чувства смирения и веры в собственное ничтожество, у последних вырабатывалось превратное представление о жизни. Главное заключалось в стремлении власти и церкви к стиранию из сознания потенциальных слуг духа воинственности и способности к самостоятельным творческим действиям. В последующем эти «тёмные» люди становились разменными картами в руках различных противоборствующих течений — ими оперировали и те, и другие. Когда верховным начальникам в

их амбициозной борьбе требовалась поддержка масс, они находили различные способы переманивания покорных на свою сторону. В этих типичных для многих — как западных, так и восточных — обществ ситуациях на верхах нередко находились люди, которые действительно в качестве козырной карты использовали идею просветления «тёмных» масс и иногда способствовали улучшению их состояния. Однако часто бывало так, что эти миряне в силу своей чрезмерной подавленности и вечной отчуждённости от активной жизни становились неспособны оказать силовую поддержку ни одной из сторон воинствующих течений и партий. В этих условиях любители силовых решений привлекали для подкрепления своих армий более энергичных людей из соседних племён и обществ, относящихся к другому — описанному выше — типу. Действительно, люди из более свободных обществ обладали несколькими выгодными для военачальников качествами: во-первых, они были свободны от местных предрассудков, в результате чего не пытались защищать интересы той или иной внутренней фракции; во-вторых, они были храбрее и подходили к делу более целеустремлённо; в-третьих, их основное преимущество заключалось в творческих, самостоятельных навыках, воспитанных в их родной среде; и наконец, эти люди сами были заинтересованы в участии в подобных акциях, так как этим они могли удовлетворить свои познавательные, материальные и жизненные потребности.

Можно привести много фактов из истории, когда представители чужеродных племён становились во главе крупных традиционных государств. Это происходило из-за иссякания творческих сил у представителей автохтонного населения: у верхушечных слоёв — из-за извращённости сознания, а у простых смертных — из-за отсутствия какого-либо жизнеустремлённого сознания. Так происходило неоднократно в Китае, арабском мире, Индии и других регионах.

Отсюда можно сделать вывод другого рода. В обществах коллективно-демократического типа не создавались великие памятники, их жители не стремились возвеличивать себя и не тяготели к пышности, так как понимали, что любое излишество возникает за счёт ущемления других, что приводило бы к дестабилизации социальной обстановки. В целом такие общества духовно были богаче, чем общества гигантоманов. И ещё — и это главное — эти общества вечно снабжали обоюдно гниющих собратьев из соседних цивилизаций свежей силой, как умственной, так и физической. Мы говорим «китайское общество» в то время, когда его двигателями на долгое время являлись народы сяньби, тюрки, монголы, чжурчжэни, маньчжуры и другие. Так что централизованные авторитарные общества не способны сделать на благо своих граждан ничего, кроме памятников на обозрение будущих поколений. Сами властвующие в этих государствах расчищают путь для инородных узурпаторов.

Не об этом ли говорит А. Тойнби, говоря о вмешательстве Дьявола в дела Бога, имея в виду под Дьяволом — кочевников и др. оппозиционных, темных сил и в качестве Бога — «идеальных» статичных обществ?

Предложенное переосмысление концепции Арнольда Тойнби позволяет взглянуть на исторический процесс не как на смену изолированных цивилизационных циклов, а как на непрерывный диалектный диалог между двумя фундаментальными типами человеческой организации — оседло-институциональным и кочевым (вольным). Главный парадокс государственного развития заключается в том, что любые институты, созданные для защиты общества и достижения внутреннего порядка, со временем неизбежно закаменевают. Стремление элиты зафиксировать «золотой век» и превратить адаптивные механизмы в вечную догму приводит к духовному и интеллектуальному параличу. В этих условиях идеология и религия начинают выполнять консервативно-охранительную функцию, направленную на вытравливание из сознания масс духа самостоятельности и творческого поиска. В результате общество теряет внутренний потенциал самосохранения: его верхушка деградирует в интригах и демонстративном потреблении, а подданные погружаются в апатию.

В этой точке исторического тупика и проявляется истинный смысл метафоры Тойнби о «вмешательстве Дьявола в дела Бога». Под «дьявольским» началом следует понимать не разрушительное зло, а внешнюю, нескованную рамками застывших предрассудков силу — носителя импульса Ян. Кочевые и инородные общества, сохранившие навыки коллективизма, мобильность и способность к прямому творческому действию, становятся тем самым катализатором, который вынуждает сгнивающую систему либо обновляться, либо уступать место новым историческим субъектам. Привлечение этой внешней энергии — будь то в форме прямого завоевания или использования наёмных сил — неизбежно приводит к смене автохтонной элиты, неспособной к дальнейшему развитию. История Китая, Индии и Арабского востока неоднократно подтверждала: именно «варварский» или кочевой элемент приносил в застывшие империи свежую кровь и новый масштаб мышления.

Отсюда вытекает ключевой вывод: централизованные, авторитарные системы, направляющие ресурсы на создание внешних атрибутов величия и гигантоманских памятников, на самом деле лишь расчищают путь для собственных и внешних узурпаторов. Единственным истинным гарантом жизнеспособности любого общества является не законсервированная традиция, а поддержание высокого уровня коллективного творчества, социальная мобильность и способность вовремя учиться на ошибках прошлого. Идеализация пройденных этапов всегда приводит к катастрофе, в то время как готовность к постоянному обновлению и восприятию внешних вызовов остается единственным действительным средством самосохранения цивилизации.

О ЦИВИЛИЗАЦИИ

Примерно 2010-е годы

Цивилизация — это, прежде всего, Надежда. Когда угасает надежда, неизбежно гибнет и сама цивилизация. Примечательно, что величественные храмы и монументальные памятники возводились в наибольших масштабах именно в те исторические периоды, когда основная масса населения пребывала в крайней нищете

Понятие «цивилизация» возродилось и эволюционировало в эпоху, когда Европа еще не полностью освободилась от оков «средневековой тьмы». С начала XVIII века это слово начало проникать в язык наряду с понятиями «человечество» и «народы», выражая новую общность всех слоев населения. «Цивилизацией» стали обозначать уже не узкую группу «культивированных» особ, а целые пласты народных масс. В отличие от «культуры», «цивилизация» подразумевала не только территориальную обособленность. Именно поэтому к появлению этого термина не привел ни Итальянский Ренессанс — поворот в науке и искусстве элит, ни ранний европейский утопизм; в те периоды слово ограничивалось лишь своими глагольными формами («цивилизовать»). Постепенно понятие вобрало в себя стили поведения, порядки организации жизни, общественные и государственные институты, искусство и, наконец, эпохальные и территориальные рамки. С этим концептуальным багажом, после трудов Данилевского, оно прочно вошло в научный оборот как синоним «культурно-исторического типа».

Зачем европейцам понадобилось это слово? Его появление было закономерным: им требовалось обозначить тот просвет в умах и нравах, который возник после долгой и пугающей эпохи средневековой дикости, зафиксировав тем самым достигнутую степень прогресса. Сначала понятие «цивилизация» противопоставлялось дикости как таковой, а затем — мнимой «дикости» конкретных периферийных народов. Европейские мыслители XVIII–XIX и начала XX веков искали образ для подражания и сопоставления своих неоспоримых достижений в научно-технической, культурной и организационной сферах. В рамках тогдашних исторических знаний для такого сравнения лучше всего подходили наиболее заметные и легко узнаваемые исторические образования: Древний Египет, Месопотамия (понятие, впрочем, весьма эфемерное), культура Инда, Юго-Восточная Азия, Античная Греция и так называемая средневековая арабская культура.

С точки зрения философии культуры и социологии знания, эволюция понятия «цивилизация» отражает фундаментальный сдвиг в самосознании человечества — переход от элитарной самоизоляции к поиску всеобщих оснований человеческого бытия. Когда европейская мысль XVIII века вывела термин из узкого контекста «утонченности» отдельных лиц и распространила его на широкие народные массы, она совершила важнейший гуманистический прорыв. Цивилизованность стала измеряться не степенью изысканности придворного этикета, а способностью общества выстраивать институты, утверждать порядок, гуманизировать нравы и давать каждому человеку образ будущего. В этом смысле цивилизация в своей первооснове есть не что иное, как институционализированная Надежда — вера в преодоление хаоса, дикости и социальной беспросветности.

Однако историческая трагедия заключается в том, что концепт, созданный для фиксации прогресса и освобождения ума, со временем сам стал инструментом идеологического отчуждения. Сравнивая себя с великими империями прошлого или с «периферийными» народами, европейская концепция цивилизации постепенно сместила фокус с духовного и социального состояния человека на внешние, монументальные атрибуты величия. Возник иллюзорный критерий, согласно которому масштаб цивилизованности определяется гигантскими

храмами, грандиозными памятниками и технической мощью. При этом за кадром остался тот факт, что завышенная монументальность часто выступала лишь компенсаторным механизмом задыхающегося общества. Грандиозные сооружения возводились именно тогда, когда реальная надежда народа угасала под гнетом нищеты и принуждения, а власть стремилась увековечить себя в камне на фоне социального упадка.

Таким образом, истинное измерение цивилизации лежит не в плоскости грандиозных архитектурных ансамблей или искусственных классификаций «культурно-исторических типов». Подлинная цивилизованность определяется экзистенциальным состоянием общества — уровнем свободной творческой энергии, наличием пространства для рациональной мысли и способностью поддерживать в человеке жизнеутверждающую перспективу. Когда цивилизация превращается в застывший музей собственных прошлых заслуг или в систему подавления большинства ради амбиций элиты, она теряет свое главное внутреннее содержание. Как только из социальной ткани исчезает Надежда — способность индивида быть хозяином своей судьбы и видеть смысл в завтрашнем дне, — никакие величественные монументы и формальные институты уже не способны предотвратить её неизбежное историческое угасание.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВ МОНУМЕНТОВ: О ПОДЛИННОМ КРИТЕРИИ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Наброски второй половины 90-х гг

Большинство исторических цивилизаций оцениваются нами не по их подлинным человеческим достижениям, а по сохранившимся зримым памятникам — архитектурным сооружениям, грандиозным дворцам и письменным источникам. Однако, детально разбирая эти артефакты, мы часто оставляем за кадром жизнь тех, кто составлял основное население эпохи. О социальном здоровье общества нельзя судить исключительно по деяниям кучки жрецов, дворцовых мастеров и правителей. Ими управляли; их произведения и взгляды отражали мотивацию заказчиков, но никак не обуславливались реальной жизнью народа. В условиях тоталитарного управления общество деградирует и лишается способности к самопознанию, а сама самопроизвольная тотальная власть выступает как социальное отклонение. Неслучайно в истории наибольший всплеск гениальных, опережающих время идей происходил именно там и тогда, где социальное зло принуждения уступало место свободе и поиску — в Древней Греции, Республиканском Риме, Ведийской Индии. Главный цветок жизни расцветал не только в лоне так называемых «великих империй», но и у тех менее известных народов, которые не стремились создавать горы памятников, но оставили нам главное — умение полагаться на себя и веру в силу человеческого духа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.